

ЗНАНИЕ

НОВОЕ
В ЖИЗНИ,
НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Б.А.Бегак
**В МИРЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРА

3'79

НОВОЕ
В ЖИЗНИ,
НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия
«Литература»
№ 3, 1979 г.

Издается
ежемесячно
с 1967 г.

Б. А. Бегак

В МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**(ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ДЕТЕЙ)**

Издательство
«Знание»
Москва
1979

83.98
Б37

Бегак Б. А.

Б 37 В мире приключений (Приключенческая литература для детей). М., «Знание», 1979.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 3. Издается ежемесячно с 1967 г.)

В брошюре рассказывается о роли детской приключенческой литературы в воспитании советских юношей и девушек.

Автор говорит о таких проблемах, как связь приключенческой литературы с фактами жизни, документами, о разновидностях жанра и его перспективах.

70202

83.98

© Издательство «Знание», 1979 г.

Значительное место, занимаемое приключенческим жанром в советской литературе для детей, определяется актуальностью связанных с ним проблем.

Проблемы эти за последние годы не раз обсуждались литературной общественностью, причем лейтмотивом такого обсуждения можно безошибочно признать роль приключенческой литературы в нравственном воспитании юного читателя.

Подобный лейтмотив объединяет и главы предлагаемой брошюры.

В каждой из глав рассматриваются те или иные проблемы жанра. В их числе — взаимоотношения классического наследия романа приключений с современностью; проблемы идейной направленности, сюжета и характера в этом роде литературы; точки соприкосновения приключенческой литературы в собственном смысле с литературой факта, со сказкой, с научной фантастикой, с историческим романом; место детектива, как одной из популярных разновидностей приключенческого жанра, и вопрос о преодолении связанных с детективом предрассудков. Обсуждается также вопрос о жизненной школе писателя, работающего в этом жанре, и о художественном критерии; вопрос о перспективах жанра в нашей детской литературе.

Приходится отметить, что некоторые из затронутых здесь проблем мало разработаны. Естественно, что они требуют более обстоятельного рассмотрения, чем то, которое позволил небольшой объем настоящей работы.

Ни в коей мере не претендуя на обзор произведений приключенческого жанра, материал которого огромен, автор привлек для своих рассуждений ограниченное число примеров. Примеров, которые представляются автору наиболее типичными, наиболее привлекательными, наиболее ценными с точки зрения воспитания эстетического и нравственного.

УСКОЛЬЗАЮЩИЕ ГРАНИЦЫ

Приключенческий, или — как иногда именуют его — авантюрный, жанр литературы до сих пор ускользает от точного его определения. Об этом свидетельствуют даже обычные издательские рубрики. Роман (или повесть) приключений постоянно ставится рядом или за одни скобки с каким-либо другим жанром. Географические издательства объединяют его с документальными рассказами, о путешествиях или с записками самих путешественников («Библиотека путешествий и приключений»); детские и юношеские издательства — с научной фантастикой («Библиотека приключений и научной фантастики»).

Советские исследователи не прошли мимо творчества отдельных классиков приключенческого жанра — Жюль Верна, Фенимора Купера, Роберта Льюиса Стивенсона... Но таких работ мало, и они, так сказать, разобщены. В целом до сих пор сказывается извечное пренебрежение критики к этому жанру, особенно применительно к детскому читателю.

В классической литературе, вошедшей в детское чтение, есть книги, обычно не причисляемые к романам приключений, но по ряду признаков примыкающие к ним. Книга «Путешествия Гулливера» Свифта, оставаясь сатирой огромной силы, в своем детском варианте выглядит как роман приключений, как необычные встречи героя с самим собой в разных обстоятельствах и разных масштабах. «Дон-Кихот» Сервантеса, задуманный как пародия на рыцарский роман, воспринимается детьми, как злоключения грустного и смешного героя. «Легенда об Уленшпигеле» Шарля де Костера, — повесть, развернутая на фоне историческом, вбирает в себя и острый памфлет на деспотизм и мракобесие, и славословие неистребимому жизнелюбию своего простодушного, терпящего многие бедствия персонажа.

О родословной авантюрного жанра писатели-приключенцы спорили не раз. Большинство сходится на том, что жанр ведет начало от сказочных новелл «Тысяча и одной ночи» и от родственных им рассказов древнего Востока о приключениях и путешествиях. Здесь реальность еще не отделена от фантазии. Здесь персонажи новелл: и люди труда — охотники, рыбаки, носильщики, и власть имущие —

сталкиваются с добрыми и злыми духами, воля которых вызывает необыкновенные события.

Приключенческий жанр на всем протяжении его развития во многом соседствует со сказкой. Роднит их более всего сюжетная загадка, острота действия, победа героя над злым началом. В одной из дискуссий писатель Сергей Сартаков верно сказал: «В сказке с первой страницы, с первых строк мы видим благородного героя, и мы ему сочувствуем, мы как бы сливаемся с ним воедино. Это высокое свойство сказки должно быть неременной принадлежностью и приключенческой книги».

Однако есть еще и другие свойства приключенческого жанра, которые сегодня резко отграничивают его от жанра сказочного. И даже противопоставляют ему.

Свойственная сказке простодушная прямолинейность в развитии событий может быть противопоставлена цепи загадок и тайн приключенческого романа. Заданность и стабильность образов сказки, их «черно-белый рисунок» противостоят необходимости раскрытия и становления характеров в романе приключений, необходимости создать многоцветие характеров. Упрощенность страшного и смешного в сказке может стать ее высоким достоинством, упрощенность решений в приключенческом жанре служит поводом для многочисленных пародий и зачастую совсем выводит книгу за пределы искусства.

Роман и повесть приключений часто граничат с историческим романом и повестью, и тут вопрос о принадлежности произведения к тому или иному жанру приходится решать каждый раз особо.

Свободное отношение к истории блистательного Александра Дюма дает нам право считать его классиком не исторического, а приключенческого романа. Несравненно более строгий подход к историческим событиям, подсказывающий художнику меру необходимого домысла, мешает нам отнести к той же категории книги Вальтера Скотта.

Роман приключений может быть, условно говоря, и историческим романом, но мера домысла в нем уже определяется не столько исторической правдой, сколько правдой искусства.

Повесть старейшего нашего детского писателя Александра Мелентьевича Волкова «Чудесный шар» о первом русском изобре-

тателе воздухоплавания может быть сочтена исторической повестью: она верно и тонко воспроизводит эпоху, она же дает почувствовать горечь судьбы первооткрывателей в обстановке жестокого деспотизма и господства суеверий. Но основной персонаж и все связанные с ним события автором вымышлены. Они основаны только на отдаленно похожих фактах летописного свидетельства. И с этой точки зрения повесть Александра Волкова — приключенческая повесть. В ней есть все признаки этого жанра: захватывающая острота сюжета, стремительное его развитие, мнимое преступление и незаслуженная кара, геройство во имя науки и узаконенное злодейство, парадоксальные противоречия обстановки, внезапная развязка и таинственное спасение героя.

Зерном романа Михаила Зуева-Ордынца «Сказание о граде Ново-Китеже» послужила мелькнувшая где-то в газетах информация. Ничего фантастического по существу ни в событиях романа, ни в его персонажах нет. Необычна до предела ситуация, определившая столкновение наших советских современников с людьми, вышедшими из Руси семнадцатого века.

Нехоженные таежные тропы, непроходимые сибирские болота ведут в те потаенные края, где очутились герои. Края, где остановилось время. Края, где ожиревшая верхушка держит в рабстве черный народ — потомков беглых участников разинского восстания. В поисках выхода из создавшегося положения пришельцы обнаруживают, что верхушка сама поставлена в зависимость от вожаков уцелевшего на Дальнем Востоке белогвардейского отребья, обогащаемого тайной разработкой месторождения драгоценного металла — платины.

«...Писать о красочном разнообразии нашей Родины, о безбрежном море ее кипучей жизни, о ее людях, разных в своем труде, действиях, стремлениях, обычаях и в то же время удивительно схожих в богатстве их душ,— так я понимаю творчество приключенческого писателя,— говорит М. Зуев-Ордынец в предисловии к одной из своих книг.

Писатель искал необыкновенное в столкновении контрастов. История, которой он увлекался, помогала ему лучше понять сегодняшний день.

В сложном переплетении переживаний действующих лиц рома-

на «Сказание о граде Ново-Китеже» представляет особый интерес все увиденное глазами мальчика, разделяющего судьбу своего брата — летчика.

Сережа увлекается приключенческой литературой. Он восхищается ново-китежских ребят пересказом подвигов героев, мчащихся на бешеных ковбойских конях по пампасам, мушкетеров на солнечных равнинах старой Франции, «красных дьяволят», преследующих махновские банды... Но первое же столкновение Сережи с жизнью, с реальными приключениями разочаровывает мальчика. Казалось бы, радоваться надо — он стал действующим лицом настоящего приключения. А радости нет. Неприятно, неудобно в этих древних временах! Взамен всего яркого, веселого, о котором он читал, взамен цветных бархатных кафтанов, шелковых девичьих сарафанов, звона сабель, блеска лат и щитов — грязные лапти, рваные дорожки и сермяги; взамен храбрых, великодушных рыцарей — злые лица, злые голоса, робость и отвратительная покорность.

В цепи захватывающих происшествий «Сказания о граде Ново-Китеже», в выразительной галерее ее персонажей автор нигде не выходит за пределы правдоподобия в предложенных обстоятельствах. Обостряя и усиливая крупными штрихами характеры действующих лиц, как требует жанр, Зуев-Ордынец убедительно воплощает в них основную направленность вещи — человечность советских людей, их верность Родине, их свободу от древних суеверий, их стойкость и находчивость, их деятельную ненависть к врагам, к тупым корыстолюбцам и злобным эксплуататорам, к хищным лицемерам и святошам.

И сюжет, и характеры романа придвинуты близко к научной фантастике, но не внедряются в нее.

Взаимоотношения собственно приключенческого и научно-фантастического произведения сложны. Конечно, приключения и фантастика сплошь и рядом переплетаются в одном произведении; однако в то время как научно-фантастический сюжет немислим без нарастания происшествий, роман приключений может быть совершенно свободен от фантастических мотивировок.

У научной фантастики в современной ее формации складываются свои законы, все более и более уводящие ее от приключенческой литературы как таковой.

С другой стороны, жизнь, нередко обгоняющая мечту, способна придать естественность приключенческим ситуациям научно-фантастических произведений. В частности, таких, где действие происходит вне Земли, а действующими лицами становятся пилоты космических кораблей — реальные герои сегодняшнего дня.

* *
*

Сюжет приключенческой литературы — это борьба. Но в актив детского и юношеского чтения войдут книги только о той борьбе, которая направлена к целям благородным и гуманным.

Борьба с жестокими природными стихиями, ополчившимися против человека. Борьба с помехами, поставленными природой на пути к познанию неизведанного, та, которую ведут герои освоения новых дорог Вселенной. Принимающая иногда очень изощренные формы борьба с врагами-захватчиками во имя защиты Родины, во имя освобождения человека и человечества. Борьба против рабства с рабовладельчеством и бесправием. Борьба с двуногими хищниками на морях и океанах, в преступных синдикатах и мафиях, банковских и биржевых конторах, с людьми, чьи человеческие качества утонули в непобедимой жажде наживы. Независимо от того, сами ли они берут в руки оружие или загребают жар чужими руками.

Борьба с преступлениями и с аморальными людьми внутри страны, скатившимися по скользкой дорожке преступления. Поиски истинного преступника. Героизм защитников правопорядка, сражение их за человека юного и неопытного, вовлеченного в преступление обманом или ложным представлением о храбрости, о дружбе и товариществе...

Вот примерный — пусть грубый — контур идей, обобщаемый понятием «борьба» в лучших произведениях приключенческого жанра.

Стремительное развитие действия, переменчивость и острота сюжетных ситуаций, известная преувеличенность переживаний, мотивы похищений и преследования, тайны и загадки...

Эти формальные особенности жанра приключений, сами по себе верные, еще не раскрывают нам внутренних свойств произведений

этого рода. Только конкретные создания конкретных авторов помогут нам понять, о каком действии идет речь в прогрессивных произведениях приключенческой литературы, какие именно ситуации в них рисуются, какими переживаниями волнуют они юного читателя, во имя чего ведется преследование, создаются тайны и загадки. Иначе говоря, какова направленность привлекающих нас произведений приключенческого жанра. И — что весьма существенно — каковы их герои, на которых опирается развитие событий.

Обсуждению и решению этих проблем во многом способствуют рассказы о приключениях в действительной жизни. Литература факта.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, КОТОРЫЕ БЫЛИ НА САМОМ ДЕЛЕ

«Приключения, которые были на самом деле» — так просто и точно определил один библиограф эту отрасль литературы, обращенной к детям.

Известно: действительность временами превосходит самую смелую фантазию. «Приключения, которые были на самом деле» часто не менее (а бывает — и более) волнующи и притягательны для юного читателя, чем вымышленный сюжет романа.

Приключенческая повесть зачастую стоит на грани того, что мы обычно называем научно-художественной книгой — рассказом о волнующем поиске или подвиге.

И все же между таким произведением и приключенческой книгой неизбежна значительная дистанция. Вернее будет сказать, что увлекательный поиск или достойный подвиг может послужить основой приключенческой повести или зерном ее, как историческое событие.

Трамплином для прыжка в мир таинственных приключений писателю сплошь и рядом служит его или чужая работа исследователя неизведанного. Реальная героика подвига. Летопись этого подвига. Конечно, для того чтобы стать явлением искусства, подвиг преломляется сквозь призму мироощущения и своеобразную манеру того или иного мастера слова. Герой в житейском

смысле становится героем литературным. Точнее — его прототипом, единым или чаще собирательным.

Среди людей этого рода почетное место всегда занимали путешественники-исследователи, рвущиеся вперед сквозь трудности и опасности не корысти ради, а во имя познания, направленного к благу человечества. Именно исследовательский дух, пламенное стремление к познанию делают привлекательными для детей и подростков биографии людей, рисковавших и даже жертвовавших жизнью ради науки. Документальные истории их жизни; повести, написанные на основе биографий путешественников и исследователей; книги, написанные ими самими.

А впечатление, производимое на детей «приключениями, которые были на самом деле», переоценить трудно.

«...Накануне войны,— вспоминает писатель Юрий Леонов,— родители подарили мне книгу, на обложке которой боролось с ледяными глыбами суденышко: «Жизнь и приключения Роальда Амундсена». Я прочитал ее, как выпил, одним глотком, столь удивительна была жизнь обыкновенного мальчугана, который решил покорить полюс и добился своего. Книгу эту я держал в изголовье кровати, на самом видном месте, и с той поры не однажды под мой скрежетали, хрустели, с оглушительным треском разламывались торосы, глубокие трещины змеились черной водой... Я успевал кому-то протянуть руку, случалось, и меня вытаскивали из внезапно разверзшейся пучины, только трудно было припомнить, кому именно обязан я был своим спасением...»

В старой русской литературе не так много документальных повестей, написанных самими участниками трудных и опасных странствий, обычно вынужденных обстоятельствами. Известно «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, одного из первых описателей Индии, много претерпевшего в своих странствиях, и повести советских литераторов, пересказавших записки Афанасия Никитина для детей. Гораздо менее известны «Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трех частях света — в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 гг.», прекрасно рассказанные советским писателем и историком Робертом Штильмарком в «Повести о страннике российском». Книга, герою которой за немногие годы пришлось ис-

пытать участь солдата детских колониальных войск, невольника на испанских плантациях в Вест-Индии, пленника турецких пиратов в Палестине, портового грузчика в Стамбуле, матроса на греческом судне, янычара султанской дворцовой стражи и, наконец, узника долговой тюрьмы в екатерининской России!

Судьба поистине необыкновенная, вдвойне обидная тем, что литературоведы подвергали сомнению не только подлинность описанных Баранчиковым событий, но и реальность самого Баранщикова.

«Повесть о страннике российском» может послужить наглядным доказательством того, что реальные события бурного времени порою выглядят фантастическим вымыслом, и того, что факт сам по себе иногда дает достаточно материала для романа приключений.

Цены в этом отношении и написанные для детского читателя книги о жизни авторов всемирно известных романов приключений. Такова, например, жизнь Мигеля Сервантеса Сааведра, прошедшего к литературе дорогой несчетных тягот — от воинских подвигов до многих лет рабства в страшном турецком плену.. Страдальца на чужбине и нищего на неблагодарной родине.

«Необыкновенные приключения испанского солдата Сервантеса, автора «Дон-Кихота», — одна из лучших работ о трагической жизни Сервантеса, написана советской детской писательницей Эммой Выгодской.

А разве мало в нашей отечественной истории морских путешествий малоисследованных эпизодов, почти не тронутых писателями? Еще ждут своего художника слова героические плавания безвестных поморов, бедовавших не одну зиму в неприветливой глуши арктических пустынь; людей, проявивших в этой обстановке и мужество, и стойкость, и выносливость, и изобретательность!

Простые эти люди, вынужденные действовать на свой страх и риск, возникают перед нами как предки советских героев ледовых лагерей, как живой контраст тем, кто, окруженный заботой Родины, никогда не остается одиноким.

В одной из своих статей академик В. А. Обручев отмечал насущную необходимость обработать для детей и юношества описания экспедиций русских путешественников, составляющих гордость

мировой науки: Пржевальского, Потанина, Певцова, Козлова, Грум-Гржимайло, Миклухо-Маклая... В этом направлении детскими писателями сделано уже немало.

Мужество, мудрость, человеколюбие Миклухо-Маклая, отраженные в его записках, запечатлелись в повести о нем Лидии Тыняновой «Друг издалека». О Семене Дежневе написана повесть Владимира Кедрова «На край света». О первых русских разведчиках Великого морского пути — Сергее Малыгине, Витусе Беринге, Семене Дежневе — рассказал детям Михаил Муратов. О других выдающихся мореплавателях написал книгу «Водители фрегатов» Николай Чуковский. Детскими писателями обработаны собственные записи Пржевальского о его знаменитых путешествиях по Азиатскому континенту, документальная книга солдатского сына Степана Крашенинникова — первого исследователя Камчатки.

Влекут к себе детского читателя тайны морских просторов, секреты океанских глубин, глубоких недр земли. И естественно, документальные рассказы людей, занятых исследованием этих просторов и глубин. О своих наблюдениях в батискафе увлекательно рассказали на страницах книги «В мире безмолвия» французский исследователь Жак-Ив Кусто и его товарищи — океанологи. С немалым интересом читают дети «Зов бездны» выдающегося спелеолога, изучателя подземных пещер Норбера Кастере — итог раздумий ученого, проводящего многие часы во мраке, в безмолвии, в уединении.

«...Огромная волна встала как раз над плотом и подняла высоко в воздух «Кон-Тики».

Наступил великий момент: мы неслись на гребне волны с безенной скоростью, наше еле живое суденышко стонало и дрожало под ногами.

Кровь у нас буквально кипела от возбуждения... У меня было такое ощущение, как будто все мое тело отрывалось от плота с такой силой, что мне пришлось напрячь все мускулы и думать только об одном: «Держись! Держись!»

Это — не эпизод романа, а отрывок описания реального путешествия норвежского ученого Тура Хейердала с пятью спутниками по Тихому океану на плоту из бревен, связанных лианами. Пут-

ники плыли по дороге древних жителей Южной Америки к островам Океании...

Путешествия Тура Хейердала продолжались. Вновь и вновь отправлялись под его руководством интернациональные команды в трудный и опасный путь сначала на папирусном судне «Ра», а через несколько лет — на «Тигресе».

О своем скромном, но потрясающем эксперименте рассказал в книге «За бортом по своей воле» французский врач Ален Бомбар. В надувной лодке он переплыл Атлантический океан, питаясь только дарами моря, то есть добровольно поставив себя в те же условия, в каких находятся люди, потерпевшие кораблекрушение.

Документальная проза и журналистика (начиная с обыкновенного репортажа о необычном) сыграли немалую роль в становлении приключенческой литературы. Очевидцы и действующие лица экспедиций оказались кладезем сюжетов.

Жизнь являла нам то, что зачастую казалось невозможным.

Жизнь решала трудный вопрос о случайности и закономерности в приключенческом повествовании: случайность становилась закономерностью сюжета.

Ведь речь идет о чем-то большем, чем документальная проза.

Писатель Леонид Платов справедливо сетует, что многие подвиги великих русских путешественников прошлого проходят мимо авторов приключенческих книг. Добавим: не вдохновили их пока ни увлекательные сюжеты и сегодняшние житейские подвиги советских людей — инженеров, врачей, учителей, ученых, изыскателей, самоотверженно работающих в разных странах мира, — несмотря на то, что обстановка, в которой трудятся эти люди, по праву может быть названа экзотической.

Каждый из трудовых подвигов таких людей, воплощенный в романе или повести, может стать немалой воспитательной силой и воспитательным примером.

ИХ УЧИЛА ЖИЗНЬ

С восхищением, хотя и сдобренным легкой иронией, вспоминает поэт Евгений Винокуров:

«Мир приключений» — был такой журнал.
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...

Кто не сидел над нею до рассвета —
Тот сам себя безбожно обкорнал!
И, как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное читиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затертый насмерть льдами. «SOS!»...
Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вот — побережье моря, реки, взгорья...
...Но ты смотри на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!..

Жизнь постоянно «брала за горло» инициаторов и корифеев приключенческого жанра в литературе. Одним она дала прямой богатейший материал для героев и сюжетов, другим — почву для мечты, изменяющей суровую и жестокую действительность.

Жизнь Даниэля Дефо, по определению его биографов, полна взлетов и падений, невероятных удач и столь же невероятных потерь...

Сам Дефо писал о себе:

Судеб таких изменчивых никто не испытал,
Тринадцать раз я был богат и снова бедным стал.

Наиболее разительны, впрочем, были не материальные превратности жизни писателя. За памфлет против религиозного фанатизма он по приказанию королевы был выставлен к позорному столбу. Но враги Дефо просчитались: официальный позор превратился для него в триумф. Написанный им в темнице «Гимн позорному столбу» сразу стал известен, и народ на площади бросал цветы к ногам осужденного автора...

Напоминает авантюрный роман жизнь ирландца по рождению, писателя Нового Света Томаса Майн Рида. Он был актером и учителем, коммерсантом и офицером. О нем говорили, что он родился с душой бродяги. Он был горячим и деятельным сторонником освободительных народных движений, где бы они ни возникали.

Тяжкое заболевание гнало автора «Острова сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона из Шотландии на южный берег Англии, потом на берега Средиземного моря, в Швейцарию и на горные курорты Америки, на Гавайские острова и острова Самоа на юге Тихого океана.

Артур Конан-Дойль, чью биографию старались всячески приукрасить его потомки, вырос в нищете — его отец бросил семью без всяких средств к существованию. Молодой Конан-Дойль был врачом на судне в арктическом плавании, а потом — на корабле, совершавшем рейсы вдоль берегов Западной Африки.

Молодой Александр Дюма начал свою столичную карьеру писцом в канцелярии герцога Орлеанского.

«Необыкновенные путешествия» — таким названием обобщалась серия романов Жюль Верна, где год за годом насыщаются все новыми и новыми красками юношеские мечты будущего писателя о подвигах в неведомых краях. Там, где кипучую деятельность развивают его мужественные и инициативные персонажи на суше, на море, под землей, под водой, в воздухе и за пределами Земли!

Хлебнувший горя в личной жизни, вынужденный нередко запереться в свой кабинет как в крепость, этот величайший труженик не мог в такой же мере удовлетворить свою страсть к путешествиям и приключениям, как это делают его необыкновенные герои. Но то, что он видел, не прошло для него бесследно. Америка и большинство стран Западной Европы, Ла-Манш и Па-де-Кале, Северное и Балтийское моря, берега Марокко, Алжира и Туниса — во всех этих краях побывал романист.

Двенадцатилетним мальчишкой плавал юнгой в Америку будущий последователь Купера, Майн Рида и Дюма писатель Густав Эмар. Он жил там среди диких племен, а позднее побывал и в Испании, и в Турции, и в Мексике, и на Кавказе...

Александр Грин, с юности познавший царский каземат и ссылку, матрос, рыбак, золотоискатель на Урале, солдат-революционер, чей первый рассказ был конфискован охранкой, а тираж сожжен... Грязь пошлой обывательщины, нищета и голод — какой защитной броней против всего этого для самого писателя послужили лазурные моря, прозрачный воздух и чистые души его приключенческих, тронутых дыханием фантастики рассказов!

По велению сердца и профессии набираются живого опыта экзотических странствий наши авторы. Примеров множество. Возьмем на выдержку некоторые.

...Повесть «Красные дьяволята» была написана участником гражданской войны Павлом Андреевичем Бляхиным в вагоне-теплушке по дороге из Костромы в Баку. Рядом с автором наготове лежал маузер. Не раз приходилось по тревоге хвататься за оружие и выскакивать из вагона.

...Немало повидал автор «Сказания о граде Ново-Китеже» Михаил Зуев-Ордынец. Обошел и объездил страну пешком, верхом, на верблюдах, оленях, собаках, на самолете, пароходе, ботике и паруснике... Пески и болота, степи и тундры, реки и моря были хорошо знакомы ему.

...Автор «Кортика» и «Бронзовой птицы» Анатолий Рыбаков, выросший в революционные годы, годы первых пионерских отрядов, прошел путь чернорабочего, грузчика, водителя машин, механика, участника геологических экспедиций, инженера-автомобилиста, а во время войны — начальника автослужбы гвардейского стрелкового корпуса.

...Автор современной приключенческой повести «Сестра моря

ского льда» Юрий Иванов объездил Камчатку вдоль и поперек на собаках и оленях, служил матросом, работал ихтиологом, потом помощником капитана, проделал немало рейсов в дальние страны.

Об одном из эпизодов необыкновенной жизни автора приключенческих повестей, советского разведчика Алексея Коробицина, рассказывает Юрий Корольков:

«Глубокой ночью с подмосковного аэродрома поднялся в воздух наш военный самолет и взял курс на запад.

Под огнем вражеских зенитов самолет пересекает линию фронта и затерялся в ночном мраке. В кабине самолета с зашторенными иллюминаторами, освещенной тусклым синим светом единственной электрической лампочки, сидели пассажиры весьма необычного вида. Одеты в немецкую военную форму, с гитлеровскими орденами, вооруженные немецким оружием, они ничем не отличались от заурядных немецких офицеров; к тому же многие из них почти не знали русского языка. У каждого за плечами виднелся зеленый брезентовый ранец десантного парашюта. Это была группа немецких антифашистов, вылетавших на очень ответственное и секретное задание в глубокий немецкий тыл».

Партизаны, к которым случайно попал десант, не поверили необычному заданию и заподозрили предательство. Гостям грозила гибель от руки партизан. Выручила немецких коммунистов только находчивость сопровождавшего группу советского офицера: организованная им условная фраза, вошедшая в сводку Советского информбюро, спасла десантников.

Этим советским офицером был Алексей Коробицин. А разве не достойна увлекательного романа его судьба начиная буквально со дня рождения? Родители Коробицина — профессиональные революционеры-большевики, бежавшие из царской ссылки в Южную Америку. Когда после революции семья вернулась на родину, комсомолец Алексей Коробицин стал моряком. В первые же дни войны Испанской республики против фашизма Алексей, прекрасно владевший испанским языком, стал переводчиком нашего главного военно-морского советника в республиканском флоте.

Приключенческие рассказы и повести Алексея Коробицина впитали в себя глубокое знание нравов, обычаев, жестоких контрастов капиталистического мира. Такова, например, одна из наиболее заметных его книг — повесть «Тайна музея восковых фигур», где повествование ведется от лица американского журналиста. На примере загадочного и нелепого преступления писатель раскрывает изнанку той «демократии», в условиях которой истина неизбежно приносится в жертву выгоде, настоящие преступники остаются безнаказанными, а попытки разоблачить их оборачиваются против правдолюбца.

Интересно, что ни один из этих писателей прошлого и настоящего не рассказывает об экзотике или о трагедии своей собствен-

ной жизни, о собственных радостях и печалаях, о собственных подвигах. Но без этой экзотики, вынужденной или добровольной, без борьбы, закаляющей душу, вряд ли могли сформироваться сюжеты и характеры их приключенческих книг.

МОНТИГОМО ЯСТРЕБИНЫЙ КОГОТЬ

Накануне организации первого в мире издательства детской литературы Горький через газету спросил детей, что или о чем они хотели бы прочесть. И дети ответили Горькому тысячами писем.

В детских письмах на каждом шагу встречалось слово «приключение»:

«Люблю читать про приключения»...

«Больше всего мне нравятся книжки с приключениями»...

Темы, которых ждали ребята: «Путешествия и приключения», «Приключения на войне», «Приключения советских моряков и летчиков», «Приключения и побеги революционеров», «Приключения первобытных людей», «Приключения беспризорных», «Приключения индейцев».

О широчайшем спросе на приключения детские библиотекари говорят чаще всего с тревогой. Тревога вызвана тем, что один вид литературы норовит вытеснить в умах юных читателей все остальные. А еще в большей степени тем, что мастера высокого искусства авантюрного романа частенько заслоняются для ребят мнимым искусством тех, кого мы называли бы холодными сапожниками сюжета.

Но разве эстетическая невоспитанность подростков мешает нам сделать приключенческую литературу своим союзником в воспитании ума и чувств молодого поколения?

Благотворным было воздействие романа приключений на юного Горького — Алешу Пешкова.

Без этой, как выражался Алексей Максимович, духоподъемной литературы ему было бы гораздо труднее выстоять, не погибнуть в той ужасной среде, в которой он родился и рос. И не только ему. «Знаешь,— говорил Горький жене,—ведь это, в сущности, было что-то чудесное... Вообрази: провинция какая-нибудь... Ну, Сызрань, например. Или наша Самара. Или Арзамас. Или что-нибудь еще более дремотное. И вот сидит где-нибудь в уголке, в

тишине, какой-нибудь русский мальчуган и читает Густава Эмара или, скажем, Габриэля Ферри, что ли... И сердчишко бьется, и что-то необычайное, яркое наполняет душу, волнует воображение. Это, знаешь, не пустяк, не шутка! Тут что-то было важное. Что-то отвлекающее от грязи и пошлости окружающего. С Густавом Эмаром мальчишка поднимался над всей чертовщиной арзамасской! Это, знаешь, вакцина была — вакцина против обломовщины. Густав Эмар помогал ему сохранить энергию, усиливал в нем энергию... Когда-нибудь я напишу статью на тему: русские мальчишки и Густав Эмар».

В каталог издательства Гржебина по разделу детской литературы А. М. Горький включил как обязательную рубрику «приключения и путешествия» и персонально — Фенимора Купера, Майн Рида, Жюль Верна, Эдгара По, Луи Жаколио, Луи Буссенара...

Этот каталог был, по выражению К. И. Чуковского, прапрадедом детгизовского плана.

В предисловии к роману Купера «Следопыт» Горький напомнил, что романы американского писателя вызвали общее восхищение Америки и Европы, что ими зачитывался Виссарион Белинский и восторгались многие из крупных русских людей первой половины девятнадцатого столетия.

Горький говорил о воспитательном значении романов Фенимора Купера для выдающихся революционеров. Из их воспоминаний явствует, что книги этого писателя служили для них хорошим воспитателем чувства чести, мужества, стремления к деянию.

* * *

Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут...

Такой экзотикой ни с того ни с сего выстреливает, оставшись наедине с девочками, ученик второго класса Чечевицын.

Но разве он Чечевицын? Нет! Он — Монтигемо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых!..

Помните, как вместе со своим сверстником Володей этот ершистый, суровый мальчик задумал бежать в Калифорнию, где вместо чая пьют джин. Им придется пройти пешком несколько ты-

сяч верст, по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, поступать в морские разбойники, а в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации...

Мальчишек, конечно, задержали в начале пути — дело ведь не в этом. Дело в той беспредельной силе воздействия романа приключений, которая заставила десятилетних детей без раздумья отождествить себя с героями повествования Фенимора Купера или Майн Рида, побудила их, хотя и не без колебаний, всерьез решиться проделать путь, предусмотренный писателями.

О маленьких злополучных путешественниках с теплой усмешкой и любовью рассказал Антон Павлович Чехов. Мы знаем, что избранный Чеховым не было единичным и случайным. Менялись времена и страны, куда влекло ребят пылкое воображение, менялись литературные их симпатии, но жажда поставить себя на место героя романа приключений оставалась неизменной. И чем выше было дарование автора, тем резче и неодолимее становилось прямое и прямолинейное влияние созданного им на наиболее эмоциональных из юных читателей, для которых простая игра в героя оказывалась уже недостаточной...

Стремление ребят к яркому и необычному, о котором говорил Горький, питалось происшествиями приключенческих книг. Происшествия побуждали детей к действиям, не соразмерным с их опытом и возможностями.

Чеховские мальчики вознамерились бежать в загадочную Калифорнию, куда направляла их романтика детства. Угас ореол калифорнийских золотоискателей, стремление к яркому и необычному осталось. Ярким и необычным, по точной мысли Горького, явилось создаваемое революционной энергией трудящихся нашей страны. В жизни всегда есть место подвигу, считал Максим Горький.

Рассказать обо всем этом юным читателям языком образов призваны также и мастера приключенческого жанра. Рассказать и показать, что подвиг — не только горение, но и точный расчет. Что подвиг — не только в далеких малодоступных краях, а и поблизости от нас (удивительное рядом). Что подвиг — не только и не столько мгновение дерзновенного порыва, а и состояние дли-

тепной душевной подготовки, постоянной готовности помочь людям, детям и взрослым, основанной на знаниях. Что большое начинается с малого, а мужество — и тогда мужество, когда оно скажется в малозаметных, может быть, проявлениях гуманности и бережности по отношению к взрослым, детям, животным, окружающей природе.

Речь идет не о какой-либо нормативной поэтике, не о каких-либо дидактических заданиях искусству романа. Речь идет о той реальности, которую детский писатель в состоянии воплотить в образах, не подавляя духа читателя, а, наоборот, зажигая его.

Право на подвиг завоевывается воспитанием характера.

Авторы одной из популярных передач детского радиовещания С. Рассадин и Б. Сарнов заставили встретиться капитана Грэя из повести Александра Грина «Алые паруса» и героя... точнее, выросшего героя рассказа Чехова «Мальчики»... инспектора гимназии, надворного советника Чечевицына!

Мальчик Артур Грей осуществил свою грезу, потому что для него она была чаянием и стремлением всей жизни. Ученик второго класса Чечевицын, бывший Монтигомо Ястребиный Коготь, вырос верным слугой казенной системы народного просвещения, и приключенческие склонности его рассеялись как дым...

Грей силой воли и неустанного труда преодолел навыки чуждой ему среды и сохранил очарование детства. Мечта его выросла вместе с ним.

Чечевицын растворился в воспитавшей его среде, для которой действенная фантазия была равноценна крамоле.

ЕСТЬ МУШКЕТЕРЫ!

Приключение — мечта, притом мечта действенная.

Представляется естественным, что дорогу такой мечте в немалой мере расширила литература советская. Та литература, где завоевывали все большее место воля героя к преодолению препятствий, стремление самому ковать свое счастье, убежденность в правоте своего пути в соединении с душевной чистотой, противостоящей обывательской пошлости.

Все это качества Артура Грея из повести Александра Грина

«Алые паруса». Его радость — осуществить мечту Ассоль, девушки, твердо верящей в услышанное ею ребенком.

«Алые паруса», быть может, самое трепетное и удивительное из многочисленных мечтаний Александра Грина. «Феерия», как называл ее сам писатель, с железной сюжетной мотивировкой, которой требовал для невероятных ситуаций Дюма; с обрисовкой характера мужчины, еще наполовину мальчика, в котором видел своего главного читателя Конан-Дойль. И недаром навстречу мальчику-мужчине Грина движется созданный писателем обаятельный образ девушки, еще наполовину ребенка.

В перекрещивающихся историях Грзя и Ассоль мы видим тот и другой образ в их убедительном развитии. Развитии с ранних, детских лет, когда в душах мальчика и девочки, вопреки противодействия среды или окружения, возшли неистребимые семена добра.

«Опасность, риск, власть природы... — говорит сам Грин об атмосфере своих рассказов и повестей, — чудесная неизвестность; мелькающая любовь, цветущая свиданием и разлукой; увлекательное кипение встреч, лиц, событий; безмерное разнообразие жизни, а высоко в небе — то Южный Крест, то Медведица, и все материки — в зорких глазах, хотя твоя каюта полна непокидающей родины».

Непокидающей родины! Вот ответ на вопрос, был ли Александр Грин патриотом, во имя чего строит он свои авантурные сюжеты.

«Авантурный сюжет у него, — писал о Грине Константин Паустовский, — только скорлупа для более глубокого содержания... Рассказы Грина вызывают в людях желание разнообразной жизни, полной риска, смелости и «чувства высокого», свойственного исследователям, мореплавателям и путешественникам...».

Именно «чувство высокого» воспитывают изображаемые Грином люди и страны, «созданные из света, морских ветров и цветущих трав»...

«Чувство высокого» воспитывает советская приключенческая повесть. В этом отношении она не оторвана от доброй традиции, но идет дальше нее. Новизна создаваемого советским писателем в этом жанре не определяется прямолинейно. Новизна — в но-
вом почерке писателя.

Когда появились первые повести Аркадия Гайдара, вокруг них возникли ожесточенные споры. Сейчас мы с некоторым недоумением вспоминаем о сущности этих споров: воспроизводит ли Гайдар старое в новой оболочке или же создает новое? Наиболее зрелыми представляются тогдашние высказывания критиков, говоривших об удаче Гайдара в создании нового приключенческого жанра.

Требовалось время, чтобы понять суть этого нового у Гайдара.

Сюжетная тайна есть в большинстве его книг. Но в его сюжетных тайнах и загадках важно не то, в чем он следует традиции, а то, в чем он по существу становится выше ее.

Приключенческие повести с героями-детьми были в предреволюционной литературе. Были они и в советской литературе до Гайдара.

Во всех случаях его сюжеты так или иначе противопоставлены авантюрному шаблону старой детской литературы.

Противопоставлены по-разному.

В приключенческой повести «Р.В.С.» образ мальчишки, совершающего в обстановке гражданской войны настоящий подвиг, окрашен добродушной авторской иронией. Ирония относится к склонности мальчика дополнить свой подвиг нереальными романтическими подробностями.

В «Военной тайне» для такой иронии уже нет места. Это произведение, воспитывающее бдительность в условиях мирного времени, обращенное к чувству и сознанию детей.

Но ни одна из книг Гайдара не приблизила так друг к другу литературу и жизнь, не получила такого резонанса во многих странах, как «Тимур и его команда».

Что способствовало успеху «Тимура» за рубежом в послевоенные годы?

Думается, удивление.

Удивление искусству советского писателя направить приключенческий сюжет в русло активной гуманности, которой так жадно ждал потрясенный бесчеловечием мир. А ведь в таком искусстве, собственно, и состояла «военная тайна» Аркадия Гайдара, воспитателя добрых и храбрых.

Неотразима привлекательность тимуровского движения для

ребят всего мира. Отряды юных патриотов, сошедшие в жизнь со страниц книги (редкое в литературе явление!),—тому живейшее доказательство.

Тайна, которую бережет Тимур, не повторяла и не могла повторять ни одной из тайн традиционного романа приключений. Это тайна добрая, благородная, самоотверженная. Тайна, потребность в которой определяется романтическими наклонностями подростков, и главное — это тайна растущего человека и патриота.

Болгарский критик Марко Марчевски, говоря о плодотворном воздействии Гайдара на болгарских детских писателей, не одобряет склонности некоторых из них возводить в самоцель приключенческий элемент повествования. В этом, считает критик, они идут вразрез Гайдару, у которого нарастание приключений всегда было отнюдь не целью, а только средством для раскрытия характеров. Марчевски особо подчеркивает это обстоятельство на примере «Тимура и его команды».

Жизненный и литературный опыт показывает, сколько благодарного материала для приключенческой повести есть в нашей реальной действительности. Приключенческий сюжет может послужить одним из наиболее сильных средств воспитания коммунистического идеала. Может быть, именно в таком сюжете мы способны с особой убедительностью для ребят противопоставить злой морали капиталистического мира то понимание товарищества, дружбы и взаимопомощи, которое составляет гордость и славу советского человека.

В дискуссиях о жанре большинство советских писателей высказывается за приключенческую литературу, но только литературу высокого идейного накала, за литературу, которая ведет за собой на подвиг.

Среди советских романов приключений немало таких, где изображен мир преступников, их психология, их аморальный образ действий, положение подростка, зачастую без вины виноватого, втянутого в липкую паутину преступной среды.

К наиболее выразительным книгам этого рода можно отнести роман Георгия Тушкана «Друзья и враги Анатолия Русакова». В нем хорошо показано, как споткнувшийся из-за ложного самолюбия подросток предан и продан своими мнимыми приятелями —

закоренелыми негодьями, и как он сам потом становится на трудный путь защитника закона и права.

Мир отщепенцев у Тушкана увиден преимущественно глазами героя, и это увеличивает убедительность рассказанного. Думается, естественной реакцией читателя будет не только моральное, но и физическое отвращение к преступлению.

И все же на вопрос, нужна ли и полезна ли детям и юношеству подобная литература, сами писатели отвечают по-разному.

Вот одно из таких высказываний:

«Если литераторы ставят своей задачей отвратить молодежь от преступлений, неужели это надо делать только путем прямой дидактики и показывать читателю: вот, смотрите, как отвратителен мир преступников.

А нельзя ли предупреждать становление на преступный путь созданием книг, полных истинной романтики приключений на трудовом поприще? Юноши и девушки, едущие осваивать Сибирь, геологи, живущие по полгода в тайге и пустыне,— это романтики труда, испытывающие массу разнообразных приключений. И книги об их жизни и приключениях, о преодолении трудностей, борьбе со стихией имели бы не меньшее значение в деле воспитания юношества, чем литература, разоблачающая преступность».

Несмотря на некоторое упрощение задач художественной литературы, заметное в этом высказывании, правда его в утверждении силы положительного примера очевидна.

Возьмем романы Анатолия Рыбакова.

Уже первая книга Рыбакова — «Кортик» — была романом приключений. Толчок для нее дали воспоминания собственного детства.

В годы гражданской войны случилось Толе Рыбакову подружиться в поезде с одним матросом. И тот подарил ему старый морской кортик...

Но это не более чем повод, стимул для рождения сюжета.

Юный герой «Кортика» Миша Поляков с малых лет уже понимает, за что он борется, на чьей стороне правда. С одной стороны его друг, комиссар Полевой, с другой — атаман бандитской шайки, бывший морской офицер Никитский, неразоблаченный убийца своего ближайшего родственника. Бандит охотится за кор-

тиком, в котором содержится таинственный шифр, указывающий местонахождение семейного тайника. В тайнике не драгоценности, как полагал Никитский, в нем подробные сведения о затонувших кораблях...

Жизнь учит Мишу и его товарищей, не равнодушных к окружающему, привыкших к острой наблюдательности, вобравших в себя мысль комиссара Полевого: «...Будешь жить для народа — на большом корабле поплывешь, на широкий простор выйдешь. Никакие бури не страшны, весь мир перед тобой! Ты за товарищей, и товарищи за тебя».

Ребята увлекаются тайнами, кладами, у них на памяти ковбои, прерии, индейцы, мустанги... А разгадывать им приходится тайну другого рода.

Идейная основа такой разгадки для советского приключенческого жанра играет решающую роль. Она неотделима от становления характера героя.

И в этом отношении дорога классики далеко не всегда наша дорога.

Отдавая, например, дань тонкому мастерству «колониальных» повестей Редьярда Киплинга, критика не раз подчеркивала чуждую нам направленность его экзотики, по существу возвеличивающей захватчика и принижающей поработенных. Поэтому, как сказал писатель Леонид Платов, нашему детскому читателю нужен не Киплинг, а скорее Антикиплинг.

Думается, шаг к этому Антикиплингу советский приключенческой литературой уже сделан.

* * *

Один из малозаметных героических эпизодов Великой Отечественной войны лег в основу романа Бориса Полевого «Золото». Роман рассказывает о подвиге советских людей, которые на грани гибели, измученные и истощенные, в течение нескольких месяцев несли мешок со сбереженными ими крупнейшими ценностями по немецким тылам и лишь случайно в конце пути были спасены нашим командованием.

Перипетии этого пути, взаимоотношения людей от совсем юных до пожилых, мужчин, женщин, детей в условиях военного времени,

в обстановке опасного партизанского труда — все это в романе Полевого обрисовано с высокой эмоциональностью, воскрешая на-пряженность подлинных событий.

Весь ход происшествий романа, все в нем, начиная с заглавия, способствует переосмыслению традиционно приключенческого мотива — погони за золотом. Мотив этот обретает обратный смысл, раскрывая абсолютную непохожесть побуждений советских патриотов и людей, взращенных миром жадности и корыстолюбия. Золото — это наши, советские люди, прошедшие испытание в гор-нили боевой страды.

Включение в серию романов приключений книги Полевого, как и других произведений о военных годах, возвышает приключен-ческий жанр, расширяет его возможности, подчеркивает специфи-ку его в советской литературе. Героями романов приключений становятся не просто люди большого мужества, но прежде всего — люди с чистой совестью, ставящие патриотическую цель выше любых узко личных интересов.

Сильное впечатление на юных читателей производит роман Леонида Платова «Секретный фарватер». Впечатление определяется правдоподобием сюжета, развернутого на фоне действительных событий Великой Отечественной войны. Определяется оно и ха-рактерами героев-моряков, силой их личных переживаний, силой патриотического чувства советских людей, для боевого подвига которых не существует препятствий.

Сюжет строится как бы на сплетении воспоминаний о широко известной морской легенде о «Летучем Голландце», корабле призраков, с воскрешением этого Летучего Голландца в виде таин-ственной подводной лодки фашистов, трижды засекреченной но-сительницы «секретного оружия». Основной персонаж романа — гвардии капитан-лейтенант Шубин, смельчак, которому во всем благоприятствует судьба, в силу стечения обстоятельств оказался на борту тщательно спрятанной фашистской подлодки; принят за финского летчика, был на краю гибели, вернулся домой и... погиб за несколько суток до Дня Победы.

Подвиг Шубина становится известен только после войны благо-даря воспоминаниям соратников, соображениям старших товари-щей, всесторонне проверенной документации...

Обращение к книгам о Великой Отечественной войне еще раз побуждает нас задуматься над проблемой взаимоотношения факта и вымысла в романе приключений.

Сравним, например, повесть Георгия Брянцева «Конец осиного гнезда» и документальное повествование Дмитрия Медведева (в литературной записи Марины Белаховой) «Это было под Ровно».

В литературном отношении между книгами Брянцева и Медведева существенная разница. В книге Брянцева, основанной на действительных событиях, присутствует художественный вымысел. Книга Медведева не что иное, как документальный рассказ о событиях, в которых рассказчик принимал прямое участие.

Но недаром написанное Брянцевым и Медведевым объединено под одной крышей — в одном из томов «Библиотеки приключений». Одни и те же огненные годы, о которых речь идет и там и здесь; отважные, точнее, попросту отчаянные дела в тылу врага, совершаемые героями, послужили предметом повествований; в произведениях рисуются события правдивые, действия и поступки, которые происходили на самом деле, соединяющие величайшую дерзость с точным расчетом.

Основной персонаж повести Георгия Брянцева — советский офицер, выполняющий тонкое и весьма опасное задание в фашистском тылу. Основным персонажем повествования Медведева, не взирая на обилие других достойных действующих лиц, мы вправе считать Николая Ивановича Кузнецова, долгое время успешно действовавшего на оккупированной врагом территории в облики немецкого обер-лейтенанта Пауля Зиберта. То, что сделано им, не нуждается в дополнительном вымысле и домысле. «Это было под Ровно» — документ на высоком уровне романа приключений.

Вряд ли можно поставить чей-либо подвиг в годы жестокой битвы против гитлеризма рядом с подвигом людей, во имя Родины и победы носивших маску своего заклятого врага. Ведь для этого требовались не только безукоризненное знание языка, нравов, обычаев и правил противника, но и неслыханная выдержка, всегдашнее внешнее спокойствие, ежечасная и ежеминутная предусмотрительность и предвидение случайностей, могущих обернуться против мужественного разведчика. Именно таким был человек редчайших душевных качеств Николай Кузнецов.

В подвиге патриотов, вынужденных носить чужую маску, была еще одна горечь. Заслужив шаткое доверие врагов, в глазах непосвященных эти люди выглядели предателями Родины и порою могли легко погибнуть от руки своих.

Судьба и подвиг таких людей отражены во многих произведениях-советского искусства — повестях и романах, пьесах и фильмах. Некоторые из этих произведений заслужили широкую популярность. Но книги таких авторов, как Георгий Брянцев или Дмитрий Медведев, среди них занимают особое место, потому что составляют как бы продолжение подвига самих авторов.

Советский офицер Георгий Брянцев сам неоднократно переходил линию фронта для выполнения специальных заданий в тылу противника.

Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев — человек столь яркой биографии, что событий ее хватило бы на цикл приключенческих романов. В гражданскую войну — войсковая разведка, активная роль в пресечении белогвардейских диверсий, в ликвидации махновских банд... А в годы Отечественной войны — руководство воспитанием людей десантных партизанских отрядов.

Так автор сближается со своими героями. Так документ становится явлением искусства, напоминая авторам приключенческих произведений об ответственности перед правдой жизни и перед читателями.

Так произведения о наших героях «незримого фронта» входят в детскую литературу.

Телевизионный фильм «Семнадцать мгновений весны» захватил все возрасты. Юлиан Семенов писал свой роман не для детей, и фильм снят не для них. Но дети самозабвенно играют «в Штирлица».

«Семнадцать мгновений весны останутся в сердце твоём...» — так начинается лирическая песенка, которую слушает герой Семенова на последних страницах романа. Далеки эти слова и эта безмятежная мелодия от повседневных обязанностей человека, уже третье десятилетие вынужденного во имя Родины забыть свое имя и «наглухо закрыть свои эмоции хладнокровием логики» — жесткой и четкой». Человека с феноменальной памятью, зрительно фотографирующего любой текст, запоминающего его почти меха-

нически, без всяких усилий. Человека колоссальной выдержки, привыкшего ежедневно, ежечасно, ежеминутно двигаться по канату над пропастью, в глубоком логове врага разыгрывающего шахматную партию невероятной сложности, где цена проигрыша гораздо больше чем жизнь. Это — штандартенфюрер, крупный чиновник политической разведки гитлеровской службы безопасности, в тайных сообщениях соратников именуемый Юстасом, известный в Москве только трем высшим руководителям как полковник Максим Максимович Исаев.

Самоотверженная работа Штирлица-Исаева и его соратников положена в основу романа Юлиана Семенова, как и созданной на этот сюжет телепередачи. Но, расшифровывая шаг за шагом ход работы Исаева и ее методы, рассказывая о подвиге советских патриотов во вражеском логове, автор раскрывает и взаимоотношения главарей гитлеровского рейха, с которыми вынужден общаться герой, их скрытую борьбу за первенство и за власть. Основную линию романа, линию ее главного героя Семенов связывает с историческими событиями определенного периода войны, с их документацией, с высказываниями и действиями советских военных руководителей, с поведением наших союзников в Европе.

Выразительным примером повествования документального и по существу и по форме может служить роман Владимира Богомолова с нейтральным названием «В августе сорок четвертого...».

Внешне роман построен на сочетании последовательного описания событий и лиц с оперативными сообщениями. Основные действующие лица — офицеры войсковой контрразведки Советской Армии. События романа — этапы выполнения поставленной перед ними сложнейшей задачи: обнаружить и обезвредить членов вражеской агентуры, предводительствуемой одним из наиболее злобных врагов Советской власти, бывшим зубром русской белогвардейщины, которого двадцать лет безуспешно ловили на восточных и западных границах, ловили на всех фронтах... Дело «Неман», как его называли по зоне действия вражеского радиопередатчика, взято на контроль ставкой Верховного Главнокомандования, и это ужесточает требования, предъявляемые руководством к оперативникам. Каждый час промедления означает огромный

риск для наших войсковых операций, для жизни многих советских людей.

Между тем разоблачение вражеской агентуры чрезвычайно осложняется тщательностью ее подготовки. Все агенты, действующие в разных местах и разными приемами, прекрасно экипированы обмундированием и снаряжением офицеров-фронтовиков Советской Армии, снабжены безукоризненными документами, и лишь особое чутье и всесторонняя осведомленность контрразведчиков позволяет им после множества осложнений, сомнений и срывов довести свою труднейшую задачу до конца.

Действие в романе чрезвычайно уплотнено. Одна деталь цепляется за другую, оказывается продолжением другой, а те из них, которые не имеют прямого отношения к действию, закрепляют у читателя ощущение обстановки.

Каждый из эпизодов романа — как повествовательных, так и документальных — рисует его персонажи в действии. Из пестрого калейдоскопа мелких и крупных событий, сопутствующих основной задаче контрразведчиков и соседствующих с ней, неизменно встают живые лица советских офицеров. Людей, искушенных в своей работе, умеющих искусно сыграть роль простака перед лицом врага, и других — молодых фронтовиков, приобщенных к этой работе впервые. Людей, каждый из которых кровно заинтересован в судьбе товарища, неразрывной с ходом и результатами порученного им тонкого и опасного дела.

* * *

В драматической поэме Михаила Светлова «Двадцать лет спустя» комсомольцы двадцатых годов, ежеминутно ожидающие нападения белогвардейцев, в холодном клубе жадно читают вслух «Трех мушкетеров». Образы мушкетеров возникают на мрачной стене белогвардейского узилища, подкрепляя мужество героя-комсомольца, и звучит песня: «Есть мушкетеры! Есть!»

Образы классических романов приключений освещены романтикой отваги и подвига, в чем-то родственной устремлениям молодых творцов социалистической революции. Это всем сердцем ощущали большие романтики советской литературы, в лучших про-

изведениях которой романтика приключений получила дальнейшее своеобразное развитие.

Естественны психологические причины, делающие роман приключений и приключенческую повесть особенно близкими юному читателю. Это стремление ребенка и подростка к яркому, необычайному, способность к сопереживанию герою, преодолевающему сложные и опасные препятствия. Это острая сюжетность, колоритная обстановка, быстрая смена места действия, действенная роль загадки или тайны...

Отсюда — сила влияния приключенческого жанра на детей и подростков. Несомненна действенная роль этого жанра как высокого искусства сюжета и характеров, носителя больших моральных идеалов. Роль приключенческой литературы, воспитывающей советского гражданина, патриота, интернационалиста. Литературы, способствующей росту в детях доброй воли, терпения и выдержки, являющей им примеры товарищеской взаимопомощи и взаимной выручки в труднейших условиях. Литературы, укрепляющей в юном читателе любовь к природе и страсть к познанию.

СЮЖЕТ И ХАРАКТЕР

Герои лучших приключенческих книг живут в умах детских читателей, продолжая воспитывать у них лучшие душевные качества. Они утверждают основное искусство настоящего художника приключенческого жанра — органическое единство сюжета и характера. Здесь нет сюжета вне характера, как нет характера вне сюжета.

Укор литературным конструкторам безличных манёкенов, носителей занимательности ради нее самой: именно характеры, именно лица романа приключений обеспечивают книгам этого жанра весьма длительную жизнь в сердцах юных читателей многих поколений. Каждое из этих памятных лиц в своих поступках и намерениях, речах и мыслях прочно спаяно с действием, обстановкой, с каждой деталью повествования.

Один из самых убедительных примеров значимости характера в романе приключений, характера, определяющего ход событий романа, являют нам широко известные книги Марка Твена «При-

ключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий».

Во всех этих произведениях, вошедших в золотой фонд детской литературы, напряженность сюжета, все особенности и подробности его развития неразрывны с проявлениями характеров героев-ребят. Беспощадная сатира на лицемерную мораль общества эксплуататоров воплощается здесь у Твена в реальной психологии его юных персонажей, в их детской философии, в их естественно противоречивом поведении.

В посвящении к «Принцу и нищему» писатель говорил о связи своего исторического повествования со сказкой и преданием. Это означало первостепенную важность для него не столько исторических, сколько психологических мотивировок необычного сюжета. Мальчики-двойники, стоящие на диаметрально противоположных ступенях социальной лестницы и неожиданно для них самих менявшиеся ролями, определяют ход приключенческого повествования. Резкий трагикомический контраст между воспитанием и непривычной обстановкой у каждого из них оказывается источником многочисленных осложнений и конфликтов романа. Точка зрения ребенка дает писателю возможность осмеять и заклеить варварские социальные законы, провозглашающие неравенство.

Маленькие герои приключенческих романов Марка Твена могут служить критерием художественно убедительного единства сюжета и характера.

Робинзон Крузо у Дефо, Шерлок Холмс у Конан-Дойля, д'Артаньян у Дюма, капитан Немо у Жюль Верна, Натти Бумпо у Фенимора Купера, капитан Уорфилд у Майн Рида — любой из них и их творческих соседей с честью выдерживают этот критерий.

Критерий этот выдерживают и те персонажи классических романов приключений, чьи героические подвиги, вызывающие восторг ребят, могут представляться преувеличенными взрослому читателю.

Вот, например, один из кумиров юного читателя — «капитан Сорви-Голова», герой одноименного романа Луи Буссенара, французского врача, путешественника, свободолюбца.

Особенность романа в том, что главный его герой — юноша, почти мальчик, командир бурского отряда разведчиков — «молоко-

сосов», как прозвали их с добродушной насмешливостью буры, своими действиями наводящих страх на опытных английских вояк. Неуловимый, умело руководящий ребятами своего отчаянного отряда, беспощадный мститель за друзей, он резко отличается от противников одним качеством: джентльменским великодушием по отношению к побежденным.

Все симпатии автора на стороне людей, ненавидящих войну и взявшихся за оружие лишь для защиты своей национальной независимости. Юный «капитан Сорви-Голова» — воплощение этих чувств писателя.

Такое свойство романтического героя, хотя и несколько идеализирующее реальную историю, помогает автору поставить на свои места некоторые нравственные категории.

Это обстоятельство представляется нам особенно важным для верной оценки книги более близкого к нам по времени английского писателя, итальянца по рождению Рафаэля Сабатини.

Образ героя «Одиссеи капитана Блада», вошедшей в детское чтение, в высокой степени романтичен.

Стремительное развитие бурных событий романа служит раскрытию особенностей характера безгранично мужественного и неподкупно честного человека, моряка и врача, которого сделало предводителем пиратов преступное поведение колонизаторов, беззастенчивых эксплуататоров и грабителей новых земель.

Действие романа служит остроумным доказательством того положения, что настоящие пираты — именно они, власть имущие. Роман завершается торжеством героя. Благополучный, даже триумфальный конец не мешает правдоподобию событий, хотя история для Сабатини, как некогда для Дюма, только фон, и назвать его роман историческим было бы неправомерно.

Образ непобедимого капитана Блада — хлесткая пощечина злодейству капиталистических хищников на суше и на море, хищников, прикрывающих свои бесчеловечные действия мнимой государственной необходимостью.

«Одиссея капитана Блада» держит читателя в напряжении от первой до последней страницы. Роман строится на неожиданностях. Он радует нас победой героя, заставляет глубоко сочувствовать его страданиям и ненавидеть его мучителей. Это — роман с гума-

нистической направленностью. Это — социальный роман, чьи остро контрастные характеры раскрывают нам эпоху.

Таковы немногие, взятые на выдержку примеры творчески богатого взаимодействия сюжета и характера в романах приключений, обращенных к детскому читателю.

Обратимся к иным примерам, на этот раз из советской литературы, причем прежде всего к писателям и произведениям, несправедливо забытым.

* * *

«...Едва он брал в руки карандаш или перо, сам собой возникал острый сюжет, протягивались линии, завязывались узлы», — говорит о повествовательной манере Николая Григорьевича Смирнова в своих воспоминаниях о нем И. А. Рахтанов.

«Его романам, — говорит в другом месте И. А. Рахтанов, — присуща сложность композиции, линии скрещиваются, как рельсы в большом железнодорожном узле. И тем интересней вам пробираться по этим хитросплетениям, тем с большей охотой вы следите за страницами, желая узнать, что же будет дальше. Предсказать это с точностью никогда нельзя. В последнюю минуту вам показывается неожиданный и ловкий ход, и действие стремительно мчится по нему».

Весьма примечательна сочетающая правдивость и необычность обстоятельств повесть Николая Смирнова «Джек Восьмеркин американец». Действие ее начинается в годы гражданской войны, продолжается в первые трудные годы становления колхозов. Основное действующее лицо — мальчишка из сожженной белогвардейцами деревни, нежданно-негаданно очутившийся в Штатах вместе с русскими, питомцами американского Красного Креста и после многих мытарств на чужбине вернувшийся на родину с взлелеянной за годы странствий собственнической мечтой — создать свою ферму, свое благополучие.

Захватывающие события повести, связанные с жестокой борьбой против кулачества, определяют перелом в психологии юного героя, ставшего во главе коммуны. Философия повести — в раскрытии условий перестройки психологии Яшки Восьмеркина.

Ни в одной детали, касающейся эпохи, событий, лиц и обстановки, у Николая Смирнова нет вымысла. И тем не менее в движении его сюжета нет ничего, что можно было бы предусмотреть заранее. Это необычное в типических обстоятельствах. А может быть, типичное в необычайных условиях. То, что в какой-то мере тоже определяет специфику советской приключенческой литературы.

В повести «Джек Восьмеркин американец» никакой экзотики, собственно, нет. Сплошная «проза жизни». Но оторваться от нее юному читателю невозможно.

Если Николай Смирнов сумел придать чрезвычайную увлекательность бытовому сюжету, что же сказать о сюжетах, в которых, так сказать, заложена экзотика?

Здесь как бы обратное соотношение вещей: положенные в основу повествования исторические факты настолько захватывают, что их можно назвать «самоигральными». Но это только кажется. К ярким фактам надо приложить руку художника.

У Николая Смирнова есть книга «Государство солнца». Название, как видим, совпадает с наименованием известной утопии Томазо Кампанеллы, описывающей идеальное, на его взгляд, общественное устройство.

Но повесть Смирнова — вовсе не пересказ утопии Кампанеллы. В основу ее положены записки человека совсем необычайного, лица вполне исторического — Мориса-Августа Бениовского, вышедшие в эпоху Людовика XVI на французском языке. Он участник польского восстания, ссыльный на Камчатке, а потом капитан корабля, генерал, барон в Париже и, наконец, «вождь вождей» на Мадагаскаре, где Бениовский и пытался претворить в жизнь мечту Кампанеллы — создать «Государство солнца».

Повесть Николая Смирнова — детская книга. Она написана от лица подростка — русского мальчика, юнги на корабле, ученика и последователя главного героя.

О Бениовском рассказывали в разное время разные иностранные писатели. Но так, как советский писатель Николай Смирнов, не рассказывал никто. Далекий материал вдвойне приближен к советским ребятам: и тем, что речь в повести идет о предшественниках социалистического идеала, о которых юные должны знать

и помнить, и тем, что блистательный экзотический персонаж показан под углом зрения повествующего о нем подростка.

Прошло почти полвека, прежде чем наша детская литература решилась вновь обратиться к причудливому и благородному образу Мориса-Августа Бениовского. Владимир Баязин в повести «Дорога богов» поставил своего героя в окружение известных исторических лиц — людей, боровшихся за идеалы демократии, идеалы человечности: полководцев и революционеров, философов и писателей.

Напомнивший о приключенческих книгах Николая Смирнова писатель И. А. Рахтанов справедливо причисляет их к золотому фонду нашей литературы и справедливо настаивает на том, что повести эти должны быть возвращены сегодняшнему детскому читателю. Потому что сюжетное искусство, характерное для этих повестей, еще много лет назад показало возможности советской литературы для детей в этом трудном жанре. И еще потому, что, пройдя через насыщенные событиями годы, повести эти выглядят как написанные сегодня.

Таково свойство истинного таланта. И это свойство, способное вдобавок превращать в яркую экзотику сплошную прозу жизни, обязывает нас воскресить для юного читателя еще некоторые забытые или полузабытые произведения советской приключенческой литературы.

К ним относится небольшая повесть «Зеленый фургон» Александра Козачинского, чья одаренность была сразу признана литературной общественностью. Писателя, навсегда оставшегося молодым...

Время и место действия повести — Одессина в первые годы Советской власти. А главный герой Козачинского — восемнадцатилетний начальник уголовного розыска, который должен помочь трудовым селянам, сбросившим ярмо эксплуататоров, сбросить с себя и последнее иго — иго бандитизма.

В чем основная, привлекательная особенность книги Козачинского?

Очень точно определяет ее детская писательница Александра Бруштейн. Это счастливое сочетание компонентов. Детективный увлекательный сюжет. Правда жизни, питающая этот сюжет. Бо-

гатство характеров и социально-исторического фона, на котором они развернуты. Живой юмор, которым освещена повесть, смешное, соседствующее с трагическим. Как и в жизни тех лет.

Козачинский написал о том, что пережил сам. О том, как совершенно неопытные, милые и смешноватые, по определению Александры Бруштейн, люди совершили подвиг — выполнили операцию по захвату крупной неуловимой банды.

Молодостью героя (не в литературном, а в житейском смысле) в те годы удивить было невозможно. Персонаж Козачинского, начальник угрозыска Володя, очень молод и в нем еще живет детство. Нам представляется метким замечание критика, что Володя — явный правнук чеховского Монтигомо Ястребиного Когтя. Даже более — он старательно подражает персонажам прочитанных им детективных книг. За поясом у него бомбы-лимонки, в кармане лупа для распознавания следов преступника. Он наивно переодевается, чтобы быть неузнанным. И дружественные ему люди как бы принимают его игру, которая не мешает Володе быть подлинным и достойным молодым героем своего времени.

* * *

Книга Вениамина Каверина «Два капитана», начавшая свою жизнь в детском довоенном журнале, — счастливый синтез романа приключений и психологического повествования, единство высокой мечты и реалистического образа, слияние глубоко разработанных характеров с обусловленными ими событиями. Книга, широко охватившая события в пространстве и времени, показала юным читателям связь героического прошлого Родины с ее героическим настоящим. Книга о трудной борьбе за справедливость не с той враждебной силой, что видна невооруженным глазом, а с силой замаскированной, лицемерной и низменной, готовой на все, чтобы удержаться свои позиции.

Роман, где пригодилось писателю все достигнутое им до того в искусстве сюжета и в мастерстве характеров, оказался педагогичным в лучшем значении слова. Он направил многих на верную дорогу. Ибо жестокий спор не словом, а делом шел в романе, как и в жизни, между настоящими людьми и людьми мнимыми.

Когда появился этот роман, многие ребята читали его не отрываясь, иногда вместе — вслух, немало дней подряд. Мальчишки мечтали быть похожими на Саню Григорьева с его прямоотой, бескорыстием, твердостью в достижении цели, его способностью любить сдержанно и горячо, умением распознавать и ненавидеть подлость. Девочки представляли себя Катей Татариновой — нечуждой и мужественной, любящей и стойкой. И как часто повторяли ребята мальчишескую клятву, превратившуюся в дело жизни взрослых героев романа: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Многие ли знают, что гордый, волнующий этот девиз — строки, завершающие классическую поэму Альфреда Теннисона «Улисс»? Многие ли помнят, что строки эти составили когда-то надпись на временном памятнике людям героической экспедиции Роберта Скотта к Северному полюсу?..

«...Писателем остросюжетным я всегда был и остаюсь сегодня», — говорит о себе Вениамин Каверин. Но признавая острую сюжетность — непереносимое достоинство романа приключений — своим характерным свойством, писатель сегодня делает его свойством прозы реалистической, прозы характеров, вырастающих на основе жизненных прототипов.

Из реальной и поразительной биографии действительного человека вырос каверинский капитан Григорьев.

Сорок лет назад писатель встретился с человеком, история жизни которого заставила его задуматься. «В сущности, она была очень проста», — рассказывает Каверин. — Это была история мальчика, которого воспитали люди, ставшие для него родными и поддерживавшие мечту, с ранних лет загоревшуюся в его прямом и справедливом сердце. Почти все обстоятельства жизни этого мальчика, потом юноши и взрослого человека, сохранены в романе «Два капитана». Он писался в конце тридцатых годов, принесших нашей стране захватывающие воображение победы в Арктике, и я понял, что то необычайное, которое я искал, — это свет арктических звезд, случайно упавших в Энск, маленький, заброшенный город».

Необычайность пережитых лет, воплощенная в образе Сани Григорьева, требовала от писателя особой добросовестности по от

ношению к материалу. Он окружил себя книгами по авиации и истории Арктики. «Впечатления тяжелых лет войны,— замечает Каверин,— лишь в небольшой степени вошли в роман. Но девиз Сани Григорьева «Бороться и искать, найти и не сдаваться», как мне думается, нашел в книге верное отражение».

Думается, что судьба различных полярных исследователей прошлого сконцентрирована в трагической истории подвига капитана Татаринова. Можно увидеть в ней, например, отголоски трагедии одного из больших русских исследователей морских путей — Георгия Седова, поставленного, как нередко и его зарубежные коллеги, в зависимость не только от жестоких условий природы и погоды, но и от скaredности властей и в наибольшей мере — от произвола хищников, норовивших нажиться на недостачах снабжения героической экспедиции.

Можно увидеть в удивительной биографии капитана Григорьева средоточие разных биографий молодых людей нашей Родины, пронесших через все военные испытания твердую волю к победе физической и нравственной. А в чертах Кати Татариновой — великопные черты всех тех советских девочек, девушек, женщин, для которых героизм был неотъемлемым свойством характера.

Можно усмотреть в рельефно вылепленных и шаг за шагом, далеко не сразу раскрывающихся читателю страшных фигурах Николая Антоновича и его духовного родича Ромашки реальные черты лицемеров и негодяев, носивших маску правдолюбцев, безуспешно — до времени — сражавшихся оружием лжи, ловко игравших на чудовищном смещении истинных категорий...

Высокий уровень разработки характеров у Каверина, то, что критики привыкли считать свойством психологического романа, мешает им рассматривать «Два капитана» как роман приключений, несмотря на все ярко выявленные сюжетные его свойства: тайну и загадку, медленно раскрываемые в ходе событий, остроту столкновений, купленный дорогой ценой счастливый финал, когда надежды на него уже почти не остается...

Роман Каверина может послужить подкреплению мысли, что настоящее, большое мастерство романа приключений есть не только мастерство сюжета, но и мастерство характеров, раскрывающихся в сюжетном движении. Характеров правдивых, волнующих

и убеждающих, ставящих перед молодежью серьезнейшие нравственные проблемы, содержащих «поучение без поучения», свойственное настоящей детской литературе.

ПОЭЗИЯ ТАЙНЫ

Наиболее конкретный и сжатый символ тайны или загадки, применяемый романистами в целях завязки или кульминации — это, конечно, тайнопись. Шифрованный документ.

Важно, какую роль играет шифр в сюжете, кому из действующих лиц и в каких целях он служит, кто и для чего разгадывает зашифрованное.

В повести Эдгара По герой находит клад, зарытый пиратом на Атлантическом побережье. Находит он сокровище, расшифровав запись пирата, где цифровые обозначения следует перевести в слова, а затем постигнуть смысл полученного загадочного текста.

Герой романа Жюль Верна профессор Лиденброк предпринимает путешествие к центру земли, разгадав криптограмму средневекового исландского ученого Арно Сакнуссема.

Рассказ Конан-Дойля из цикла приключений Шерлока Холмса построен на разгадке совершенно непонятных на первый взгляд рисунков — пляшущих человечков.

В повести Анатолия Рыбакова решающую сюжетную роль играет шифр на морском кортике, за которым охотятся бандиты.

В романе Зуева-Ордынца пленники-пришельцы перехватывают и расшифровывают «тарабарскую грамоту» переданного со связным вражеского послания.

На разгадке тайн, связанных со своеобразием облика разгадывающего, строятся стоящие на грани возможной реальности повести советского писателя Глеба Голубева — «Голос в ночи» и «Вспомни».

Основной персонаж обеих повестей — швейцарский профессор психологии Морис Жакоб. В повести «Голос в ночи» Жакоб, предстающий перед читателями и героями в неожиданном обличье талантливейшего фокусника-иллюзиониста (это его увлечение!), руководит сложной операцией по разоблачению вожака банды сектантов-вымогателей. Загадочный голос, по ночам внушающий жен-

щине мысль отдать свое имущество секте, оказывается радиопередачей, которую не подозревающая об этом женщина принимает во сне тайным миниатюрным приемником... Но для того чтобы разгадать замысел авантюриста и пресечь цель его жульничества и злодейства, Жакобу и его помощникам приходится приложить немало труда, изобретательности и искусства.

Повесть «Вспомни» рисует профессора Жакоба в другом качестве. Здесь применяемый им самим гипноз служит средством активной помощи человеку. Этот человек, получивший в монастырском пансионе имя Томаса Игнотуса, по-латыни «Неизвестного», подозревает, что родился где-то в другой стране, но решительно ничего не помнит о своем прошлом. Длительные и сложные эксперименты Жакоба позволяют разгадать в подопытном бывшего русского мальчика Павла Петрова — одного из многих детей, вывезенных гитлеровцами за рубеж. Окончательно отыскать родину и родных помогает Павлу московская радиопередача «Найти человека».

При всей принципиальной разнице между сюжетами двух повестей Глеба Голубева, при всей остроте их сюжетного построения все-таки особый интерес читателей сосредоточивается на облике Жакоба, смелого проницательного экспериментатора, разоблачителя изощренных негодяев, помощника людей страдающих и запутавшихся.

Тайна!

Сколько произведений, классических и современных, зарубежных и советских, достойных и сомнительных, содержат в заглавии это слово!..

Повесть Сергея Волгина «Тайна крепости» начинается с таинственного приказа:

«Совершенно секретно.

Пионеру Бобоеву.

Приказ № 1.

Завтра, в 8-00, предлагаю явиться на перекресток дорог, что на северной окраине колхоза имени Ленина, для следования в крепость «Гранитная скала».

Э р г а ш Ю с у п о в
(Прочитай и уничтожь)».

Крепость и тайник в ней, на который, играя, набрали ребята, помогают сельчанам узбекского колхоза разоблачить спокойно живущего среди них бывшего басмача, в годы гражданской войны предавшего красноармейский отряд.

В завязке повести сибирского писателя Виктора Сидорова «Тайна белого камня» расшифровывается карта, найденная во фляжке погибшего партизана.

Находка тоже уводит читателя в глубь истории гражданской войны. В рыбацкой артели затаился предатель, который в годы колчаковщины умышленно повел партизан по неверному пути. Мнимый партизан, на деле крупный полицейский шпик, принес подложное письмо, погубившее весь отряд.

Разоблачению предателя помогают ребята.

Повесть белорусского писателя Владимира Павлова «Тайна бункера № 7» (в подлиннике «Пожарница») начинается с полученного школьниками письма из Германской Демократической Республики. В нем рассказывается о гибели немца-антифашиста от руки предателя — мнимого партизана.

Дальнейшие события показывают, что предатель не только уцелел, но, работая лесником, устроил у себя шпионскую явку.

В деревне появляется новый киномеханик. Некоторое время спустя становится ясно, что это офицер, специально ведущий наблюдение за подозреваемым лесником. В подслушанном школьниками разговоре пьяных преступников выявляются давнишние черные дела лесника...

В старой овчарне ребята находят немецкий портсигар. На крышке портсигара выделяется серебряная эмблема — один из причудливых видов японских хризантем «Белый дракон». Из портсигара падает измятая записка:

«Отстреливаемся... Патроны кончаются... Подземный ход обнаружен... Чернобай — предатель... На груди татуировка: «Отец, ты спишь, а я страдаю». Люди! Убейте фашистского гада!»

Под запиской стояли имена четырех молдавских партизан.

Чернобай, он же Гринюк, он же Махоркин, через двадцать лет после войны, ежеминутно рискуя быть узнанным, является в знакомые края — выполняет задание иностранной разведки.

Автор повести «Тайна белого дракона» — молдавский писатель Константин Шишкан.

Надо заметить с самого начала, что происшествия, изображенные в повестях Волгина, Сидорова, Павлова, Шишкана, не противоречат реальности. Даже активное (почти решающее!) участие ребят в разоблачении затаившегося старого врага Советской власти не напоминает авангардистских попыток первых лет нашей детской литературы: у всех этих авторов дети ведут себя, в общем, так, как подобает детям. Смущает — и очень смущает — другое. В четырех различных повестях разных авторов мы видим, собственно, несколько вариантов одного и того же сюжета.

Сопоставление нескольких детских книг, изданных в разных концах нашего Союза, свидетельствует не о стремлении авторов к художественному своеобразию, а скорее о склонности их воспользоваться примерно одним и тем же острым репортажем, привнеся в его схему обычную игру ребят, детские поиски тайников и загадочных пещер.

Появление повестей такого рода обычно влечет за собой кислый комплимент критики: «Вещь сильна своим материалом».

Заслуживают быть отмеченными те произведения советских авторов, где сюжетная тайна не только строится на основе тайны реальной, но и обновляется по существу.

В повести Григория Гребнева «Пропавшие сокровища» сюжет обретает новизну прежде всего тем, что действие тут обращается не вокруг сундуков с золотом, не вокруг уникального, единственного в мире бриллианта, а вокруг ценностей интеллектуальных, притом таких, существование которых подтверждается исследователями. Предмет поисков и происшествий в повести Григория Гребнева — драгоценная библиотека, скрытая некогда в тайнике царем Иваном Грозным.

Инициативу в поисках пропавшей царской библиотеки берут на себя зарубежные авантюристы, прибывшие в Советский Союз под чужой личиной, надеясь на солидный бизнес, и разоблачаемые благодаря совместным непредусмотренным действиям советского ученого, самоотверженных комсомольцев-книголюбов и работников государственной безопасности. Тайник далекого северного монастыря, где была, по-видимому, скрыта библиотека Грозного,

оказывается пустым. Однако разгадка тайны близка: энтузиасты поисков находят собственноручную записку Бориса Годунова об изъятии находившихся в тайнике книг для присоединения их к «книгохранилищу государеву»...

Правдоподобие изображенных автором событий подкрепляется вводом в действие «американских» князей Бельских, потомков приближенных русского царя.

Таким образом, интрига повести и все ее хитросплетения вырастают из исторического зерна.

В основу книги Сергея Голицына «Тайна старого Радуля» положена поэтичная легенда о происхождении древнего села Радуль Владимирской губернии, содержащая намек на замечательный архитектурный памятник далеких времен. Тайну памятника древнерусского искусства удается раскрыть экспедиции, которой руководит некий писатель (по всем данным, сам автор книги). Раскопкам помогают специалист-археолог и местные жители.

Наука и искусство, как предмет поисков, как раскрываемый таинственный объект, входят в детский роман приключений на тех же правах, что и традиционные зловещие ценности приключенческого романа — источник бурных страстей и жестоких преступлений.

В этом — одно из новых качеств советской детской литературы, качество, распространяющееся и на передовую зарубежную литературу сегодняшнего дня.

Юные мечтатели, шагающие по страницам повестей современного писателя-коммуниста Пьера Гамарра, питают страсть к экзотике. Подобно одному одаренному школьнику из повести «Тайна Пернатого Змея», им настоятельно нужны непроходимые джунгли, водопады, развалины городов, оплетенные лианами... Их манят белые пятна на картах. А писатель? Он солидарен со своими маленькими героями (и, конечно, читателями) в их романтической устремленности. В любви к экзотике и приключениям.

Слово «тайна» — одно из самых любимых у французского писателя, оно отражено даже в заглавиях его книг. Только обличие тайны у него разное.

В одном случае это уход в глубь романтизированной истории как в романе из эпохи Второй империи «Тайны Тулузы».

В другом — живые картинки из жизни деревенской школы, где все происшествия озарены юмором, как в «Тайне реки Берлюрет».

В третьем — теплая усмешка над излишествами приключенческого жанра в «Тайне Пернатого Змея».

Даже «Капитан Весна», повесть Гамарра о суровых годах второй мировой войны, написана, в сущности, по законам романа тайн. С той важной разницей, что здесь тайна продиктована не этими законами, а жесткими требованиями жизни — обязательной партизанской конспирацией. Никто, в том числе жена и дети, не знает, что мужественный и неуловимый Капитан Весна — тот самый, что руководил боями партизан Сопротивления от Пиренеев до Тулузы,— и есть их родной человек, отец семейства...

Сюжетная форма, определяемая понятием «тайны», вмещает явления сугубо разнородные, от высокой классики до халтурных бестселлеров включительно. Самую же форму скомпрометировать невозможно. Она определяет собой многие возможности жанра, возможности обновляющиеся и возрождающиеся.

О ПИНКертоне и Шерлоке Холмсе

Дети нередко адресуют свои письма героям романов. Но есть один герой, которому до сих пор, уже много лет, пишут и взрослые. Это созданный Конан-Дойлем знаменитый частный сыщик Шерлок Холмс, увековеченный как подлинное лицо мемориальной доской в доме на Бекер-стрит в Лондоне...

По определению советского исследователя Кирилла Андреева, «своеобразие жанра, созданного Конан-Дойлем, заключается в том, что в центре каждого произведения, где Шерлок Холмс является героем, находится не само преступление, а тончайший анализ обстановки и свойств человеческого характера, торжество того логического исследования, которое, опираясь на ничтожное количество фактов, почти с математической точностью приводит к единственно правильному решению».

Это «повествование о приключениях человеческой мысли, раскрывающей преступления».

Скрупулезная наблюдательность Холмса и присущее ему высокое искусство умозаключения — свойства, на которых строится

цикл рассказов о нем; свойства, определяющие неотрывное внимание читателей к книге Конан-Дойля. Однако ни неожиданность развязки каждой новеллы для читателя, ни удовольствие от раскрытой загадки здесь не могли бы возникнуть без живой обрисовки характера Холмса. Без художественного выявления особенностей его личности. Без складывающегося у нас представления о необыкновенном человеке,—умном и насмешливом, ироничном по отношению к обычным способам полицейского расследования, разносторонне образованном, не чуждом музыке и литературе, проникнутом чувством собственного достоинства, презиравшем титулы и аристократические звания, мужественном и постоянно рискующем не из чистого азарта или тем более корысти, а из стремления как можно быстрее отыскать истину.

Так рисуется облик Шерлока Холмса непредубежденному читателю.

Довольно известный взрослым и подросткам персонаж французского писателя Жоржа Сименона, полицейский инспектор Мегрэ, тоже может расцениваться как вклад в классический детектив.

«...В такую погоду,—размышляет во время ливня мальчишка из повести украинского писателя Всеволода Нестайко «Тайна трех неизвестных»,—хорошо лежать где-нибудь в укромном местечке и читать какую-нибудь приключенческую книжку. Я стащил у отца «Покушение на бродягу» Жоржа Сименона (он сам мне ее не давал — считал, что она не детская) и, укрывшись с головой и оставив только узенькую щелку, чтобы падал свет, окунувшись в захватывающий мир комиссара Мегрэ, мир загадочных убийств, страшных преступлений и тайн».

Приключения Мегрэ не предназначены для детей, но, как и новеллы Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе, не содержат ничего, что побудило бы нас поставить повестям Сименона заслон для детского читателя. Как и новеллы Конан-Дойля, они входят и в «Библиотеку приключений», и в цикл детских радиопередач.

И здесь ни один сюжетный ход немыслим без раскрытия характера самого Мегрэ.

Очевидно, что произведения Сименона значительно уступают книгам Конан-Дойля и по психологической глубине, и по сюжетному изяществу.

Талант Артура Конан-Дойля как создателя интеллектуального детектива остался неповторимым в гораздо большей степени, чем его талант автора научной фантастики. У рассказов о Шерлоке Холмсе было много подражателей; ни одному из них даже в малой доле не удалось приблизиться к достигнутому Конан-Дойлем.

...А кругом плескалась мутная волна халтуры, которую выпускали в предреволюционные годы русские издательства по образу и подобию приключений знаменитого сыщика. Выпускали немалыми тиражами — это было весьма прибыльное предприятие. Многочисленные дешевые выпуски с продолжением о подвигах Ната Пинкертона, Ника Картера и других бульварных представителей сыска, брошюры в кричащих аляповатых обложках зачитывались до дыр людьми школьного возраста, прятались под парты от бдительных учителей и под подушки от родителей.

Неотразимой привлекательности подобных изделий для мальчишек хватило на долгие годы.

«Не знаю, чем объяснить,— писал Горькому пионер из Витебска,— почему у нас в головах засели такие книги, как о подвигах Ната Пинкертона и других... почему нас интересуют книги мордобойского характера. Винаваты ли писатели, составляющие эти книги, или мы лучше их воспринимаем?»

Мальчик призывал писателей победить «кровожадную пинкертоновщину».

Но только ли в «кровожадности» был секрет обаяния Пинкертона?

О силе этого обаяния мы можем судить хотя бы по колоритным страницам автобиографического романа Валентина Катаева «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона».

Катаев дает возможность современному молодому читателю очень ясно представить себе и внешность, и стиль, и содержание общедоступных выпусков сыщических серий,— выпусков, чтение которых школьникам было строжайше запрещено. И которые, разумеется, читались затоем.

Кто их главные герои?

Нат Пинкертон. Величайший криминалист двадцатого века с железной волей, гроза американского уголовного мира, раскрывший несчетное число кровавых преступлений.

Боб Руланд, помощник Пинкертонa, парень тоже отчаянно смелый, большой мастер гримироваться и переодеваться. Загримированным он неуклонно шел по следу опасного преступника, время от времени звоня по телефону шефу, чтобы получить от него дальнейшие инструкции.

Затем Ник Картер. Он раскрывал злодеяния крупных великосветских банд, располагавших самыми редкостными, таинственными средствами и способами действий и бесследно исчезающих с непостижимой быстротой.

Была серия «Доктора Дацара». На одной картинке Ник Картер стоял в дверях роскошной гостиной, где пировали преступники из великосветской шайки доктора. В каждой руке сыщика — по большому револьверу смит-и-вессон четвертого калибра. Преступники были бородатые, во фраках, дамы-преступницы — в бальных платьях, все увешанные бриллиантами. А энергичное лицо Ника Картера как бы говорило: «Попались, голубчики. Руки вверх».

Была серия «Инесс Наварро — прекрасный демон», красавица-преступница, которая в одном из выпусков настигает красавицу-сыщицу... «Ха-ха-ха,— мелодично захохотала Инесс-Наварро, прекрасный демон.— Наконец-то ты попала в мои сети, проклятая ищейка». С этими словами красавица-преступница взвела курок. Но в это время...

Что произошло «в это время», читатель мог узнать только из следующего выпуска. Как же было не ринуться к книжному киоску, чтобы купить продолжение, а если денег у мальчишки нет, то добыть очередной выпуск всеми правдами и неправдами?

Так рисует Валентин Катаев сильнейшее литературное увлечение своего детства и детства своих сверстников.

Одна из наиболее пронизательных характеристик пинкертоновской литературы принадлежит героическому педагогу В. Н. Сороке-Росинскому. «Наши малыши,— замечает он,— даже в пинкертоновской литературе умудрились открыть идеальных людей, смелых, решительных и сильных духом защитников угнетенных и оскорбленных».

В современной критике звучит традиционное пренебрежение к детективу, как к некой эпидемии, как к стихии, отбрасывающей юного читателя от настоящей литературы.

«Читательское поветрие наших дней — детектив: это спокойно отмечают социологи и нервно переживают педагоги. Детектив с его тяготением к математическому расчету фабулы и с ослабленным (неизбежно, если даже и относительно) вниманием к началу нравственности: во всяком случае, не с тем, чтобы проникнуть в глубины добра и заплакать над чужим горем, а с совсем иной целью берем мы в руки приключенческую беллетристику. Хотя бы и образцовую» (Ст. Рассадин).

В этой тираде все странно. И то, что детектив — одна из отраслей приключенческого жанра — отождествляется с «приключенческой беллетристикой» в целом. И то, что читатель будто бы берет в руки книгу с определенным заданием — заплакать, засмеяться или же остаться морально безразличным. И главное, то, что в жанре этом будто бы предудказано пониженное внимание к нравственному началу.

Мысль о пониженном внимании авторов романов приключений к началу нравственности не оправдывается ни историей жанра, ни в особенности опытом лучших его произведений в советской литературе. В каждом из них создана предпосылка для того, чтобы читатель, способный чувствовать, мог горячо полюбить героя, сопереживать его несчастьям, возненавидеть его врагов.

Не похоже ли, что критики, отказывающие роману приключений в должном внимании к началу нравственности, склонны равняться не на лучшие образцы жанра, а скорее на худшие?

Конечно, та распространенная разновидность приключенческой литературы, которую мы называем детективом, особенно широко пользуется приемами нагнетания тайны, распутывания клубка сложных загадок. Сказал же Валерий Брюсов, что детективный роман — это высшая форма загадки, а чтение детективных романов в конце концов то же, что решение хитрых алгебраических и геометрических задач!

Определение остроумное, но в нем лишь половина истины. Ведь важно не только решение задачи, но и ее направленность. То, во имя чего она решается. Это можно разглядеть уже на классических образцах жанра, хотя бы у Конан-Дойля. Поэтому, как в один голос утверждают советские писатели, и в такого рода произведениях все начинается и кончается характером.

Гуманистическая направленность, героизм людей, ведущих борьбу за «человечного человека» против врагов родины и социалистического общества; героизм тех, кто, не щадя себя, помогают свихнувшимся выправиться, споткнувшимся подняться, становится основной художественной задачей авторов советского детектива.

* * *

В романе Георгия Тушкана «Друзья и враги Анатолия Русакова» сюжетную роль приобретает глава, описывающая так называемую «чертову читалку».

Столь выразительное наименование присвоено в романе своего рода коммерческому предприятию стилиз — потаенным чтением пошлых заграничных повестушек о подвигах суперменов. Читает эти «шедевры» мальчишеской аудитории некий аккуратный старичок, переводя читаемое экспромтом, прямо с иностранного оригинала, и запивая перевод обильным пивом.

«Читалка» ликвидируется комсомольскими активистами. А по ходу романа раскрывается неприглядное моральное лицо организаторов этого предприятия, оказывающего пагубное влияние на ребят.

События эти в основном не вымышлены. Они относятся к сравнительно недалекому прошлому и сегодня дают повод для размышления.

Мы не можем быть безразличны к книгам, представляющим собой, по меткому выражению одного из советских писателей, лишь кровавый литературный кроссворд. Для нас такие книги и в нравственном, и в эстетическом отношении стоят за пределами подлинного искусства. Несмотря на то что за рубежом — особенно за океаном — они расцвели довольно пышным цветом.

Составной частью страшного, безостановочно действующего механизма, развращающего сознание широких слоев общества, именует болгарский исследователь и романист Богомил Райнов тот жанр, который он назвал «черным романом». Полицейскую, шпионскую литературу капиталистического Запада. Литературу ужасов, убийств и садизма, возникшую преимущественно после второй мировой войны, имеющую своих, с позволения сказать, корифеев и своих эпигонов.

Эта формация жанра враждебна нашей литературе, и мерить по ее мерке советский детектив никак нельзя.

Наши писатели-«приключенцы» не раз подчеркивали, что приключенческая литература призвана воспитывать у читателя веру в могущество созидательных сил человека, смелость, находчивость, благородство, стремление к подвигу и познанию мира, сознание долга и чести.

Это относится к любому ответвлению приключенческой литературы, входящей в детское чтение.

Благородство, долг и честь — не вбирают ли в себя эти понятия «начала нравственности», не только отражающие реальные качества советского героя в жизни и литературе, но и типичные для наиболее привлекательных персонажей классического романа приключений?

Процесс осознания нравственной цели приключенческого сюжета шел и в других отраслях искусства, обращенного к детям. Еще в первые послеоктябрьские годы серьезные выступления по вопросам детского кино на собраниях и в печати начались с разговора о «киноопасности» для подростков. Неоднократные упоминания в нашей прессе о том, что иностранные приключенческие фильмы порою служили побудительной причиной детской преступности, при всей своей порою преувеличенности имели под собой определенное основание.

Развитие детского кино в нашей стране, шедшее параллельно с развитием детской литературы, резко ослабило воздействие зарубежной киноголовщины. Фильмы приключений, воспитывающие не только мужество, силу воли, инициативу, любознательность, но, главное, гуманность, вооружающие детей против трусливого вероломства, тупого корыстолюбия, человеконенавистничества, стали достоянием советского искусства для детей.

Приключенческий жанр получил в кинофильмах весьма широкое применение. Фильмы этого жанра, снятые на наших студиях (равно как и принятые к демонстрации на советском экране зарубежные картины), в большинстве не расходятся с нашими представлениями о моральном уровне искусства и о хорошем вкусе. Увы, среди них чрезвычайно мало работ, обращенных к детскому зрителю.

Естественно, что зритель «до шестнадцати» правдами и неправдами прорывается на взрослый приключенческий фильм, чья мораль доходит до ребят зачастую в искаженном виде. Особенно в тех случаях, когда персонаж отрицательный показан убедительнее положительного и невольно впитывается наивным еознанием как ложный пример для подражания.

Огорчительно и то, что детектив постоянно воспринимается юными зрителями как синоним приключенческого жанра в целом.

И сегодня, как и вчера, приходится пожалеть о чувствительном недостатке на детском экране хороших картин, где должное место занимают дальние странствия, трудные исследования, преодоление стихийных препятствий, храбрость и благородство, помощь сильного слабому, гордость и радость победы.

СОВЕТСКИЙ РОБИНЗОН

Роман Даниэля Дефо «Жизнь и необычайные поразительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его неожиданного освобождения пиратами» был первым романом приключений, вошедшим в занимательное чтение детей всех стран.

Любопытно, что всем известная история Робинзона была только первым томом романа Дефо — успех побудил автора приписать к нему еще два тома. Оба они забыты. Основное же повествование стяжало всемирную славу и заслужило теплые и сочувственные отзывы многих больших людей — от Руссо до Александра Герцена, от Виссариона Белинского до Юлиуса Фучика. Все они с разных точек зрения увидели в романе Дефо прежде всего страстную апологию труда, возвеличение упорства и воли к жизни.

Увлечаться Робинзоном ребята начинают с очень раннего возраста. В Робинзонов, по свидетельству мемуаристов, самозабвенно играли «великие маленькие читатели» — будущий сатирик-баснописец Иван Дмитриев, гениальный врач Николай Пирогов, будущий писатель Федор Достоевский и его брат... Проводил ночи над «Робинзоном» мальчик из местечка Вилле-Котре Александр Дюма...

Безуспешно пытались погасить славу знаменитого романа критические почемучки Запада, о которых с улыбкой вспоминает французский литературовед Марк Сориано.

Так и слышатся скрипучие голоса дотошных ценителей:

— Если в одно из своих посещений разбитого корабля Робинзон забирает всю найденную там одежду, почему же, через несколько месяцев он жалеет о потере всей одежды?

— Если в главе четвертой он жалеет об отсутствии соли, зачем же в главе девятой он старается привить Пятнице привычку солить мясо?

— Если у Робинзона есть бумага и чернила, почему же он не смастерил себе настоящий календарь, более удобный, чем тот, в котором он напоследок сам запутался?

— Если Пятница в течение года научился хорошо говорить по-английски, почему же он не в состоянии считать далее трех без помощи камешков?..

Подобных «почему» было много. Но наиболее веским своим аргументом против сюжета «Робинзона Крузо» наивные зарубежные ценители считали расхождение его с первоисточником! С подлинными приключениями матроса Селькирка, вдохновившими Даниэля Дефо.

Селькирк, пробыв в своем вынужденном уединении только четыре года, настолько одичал, что утратил способность к членораздельной речи. Робинзон через двадцать восемь лет остался таким же, каким был, хотя долгие годы имел возможность беседовать только с попугаем...

Такие критические укоры «Робинзону» — пример «нехудожественного прочтения» романа. Ведь сила его вовсе не в рабском воспроизведении реальности, а в художественно правдоподобном возвеличении силы воли, могущества труда, изобретательности и гуманности — всего того, что создало для Дефо и его героя прочный фундамент в веках. Того, что определило его внедрение в детскую литературу многих стран и его воспитательную мощь. Мощь, не поколебленную ни придирками к мелким «пятнам на солнце», ни насмешками, ни пародиями, ни вульгарными подражаниями.

Мало того, роман Дефо продолжался! Наиболее интересно и талантливо продолжил его Андре Лори, он же Паскаль Груссе, член Совета Парижской коммуны, друг Жюль Верна и соавтор «Пятисот миллионов Бегумы».

Молодых своих героев, считающих себя прямыми потомками Робинзона Крузо, Лори приводит на тот самый остров, где жил знаменитый отшельник. К ужасу и изумлению путешественников, в глубине отдаленной пещеры они обнаруживают... самого Робинзона! Да, да, того самого, только в виде мумии, сидящей за письменным столом.

Завещание Робинзона, обнаруженное путниками в пещере, содержит рассказ о его последнем — не предусмотренном Даниэлем Дефо — путешествии. Колонисты, которых когда-то оставил на острове его хозяин, развращены окружающим изобилием и отвыкли

от производительного труда. Найденное на острове золото толкает их на бунт. С драгоценным грузом бунтовщики уплывают в Европу, оставив Робинзона снова одиноким.

Как бы исправляя такую печальную развязку, герои романа Лори действуют благородно. Капитан корабля объявляет золотой рудник общим достоянием и приставляет к нему часовых.

«О род человеческий!— восклицает один из персонажей романа «Наследник Робинзона».— Сколько хорошего ты мог бы сделать, если бы каждый старался об общем благе, а не о взаимном истреблении!»

Так говорит устами своего героя член Совета Парижской коммуны Паскаль Груссе.

Иронические интонации с первых же строк врываются в жюльверновский роман «Школа Робинзонов». Вот названия некоторых глав:

«Читатель может, если захочет, купить по случаю остров среди Тихого океана...»

«Читатель убеждается, что Уилльям Кольдеруп не напрасно застраховал свой корабль...»

«Доказывается, что не все прекрасно в профессии Робинзона, Профессия Робинзона!»

Персонажи этого романа Жюль Верна в отчаянии от возникшей перед ними перспективы — стать Робинзонами!

Роман проникнут насмешкой. Никто не погиб при кораблекрушении, пирога не настоящая, дикири мнимые, даже дикие звери, якобы угрожающие путникам, — только чучела зверей.

Однако художественная полемика Жюль Верна с Даниэлем Дефо шла и в ином, серьезном плане. Вспомним «Таинственный остров».

«— Как! Вы не думаете, что можно быть счастливым на необитаемом острове? — спрашивает Паганеля Элен Гленарван.

— Нет, я не считаю это возможным, — отвечает Паганель. — Человек создан для жизни в обществе, а не для уединения...»

Люди Жюль Верна, занесенные судьбой на необитаемый остров, трудятся совместно и плодотворно. «Труд их, — отмечает советский исследователь творчества романиста, — не первоначальное накопление Робинзона Крузо, это преображение косной природы, это вся история цивилизации, но на более высокой ступени идеального человеческого общества» (Кирилл Андреев). Прототип Робинзона, матрос Селькирк, в уединении превращается в дикаря. Таково же превращение жюльверновского каторжника Айртона. И если труд дает возможность выстоять одинокому Робинзону, то тем более преображает он дикого Айртон, работающего вместе с колонистами на общее благо.

Такова социальная постановка «проблемы Робинзона» у одного из наиболее выдающихся представителей романа приключений.

Приходится пожалеть, что юному русскому читателю долгие годы приходилось знакомиться вместо самого романа Дефо с его распространенными скучно-назидательными переделками, принадлежавшими перу немецких педагогов.

Еще огорчительнее, что бесчисленные и безвкусные подражания сюжету Дефо, возникшие в разное время в разных странах, постепенно съели на нет его величественное героическое начало, столь притягательное для детей. Что литературные робинзонады скоро теряют героический дух оригинала и приобретают черты потехи.

Серьезные отношения к «проблеме Робинзона» в какой-то мере возрождают советские детские писатели.

Недаром же один из первых советских журналов для детей, возглавляемых С. Я. Маршаком, был назван «Новым Робинзоном». Имя Робинзона окрыляло чувством инициативы, силой воли к преобразованию окружающего. Тут находила для себя утоление детская жажда познания мира. Был заложен фундамент жанра, названного позднее научно-художественным.

* * *

Многим памятен насмешливый фельетон Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Как создавался Робинзон». Злая и справедливая пародия, отражающая действительное положение вещей в трудные годы советского приключенческого жанра.

В фельетоне действуют двое — редактор и автор, выполняющий редакционный заказ — создать «советского Робинзона».

Автор добросовестно воспроизводит все перипетии романа Дефо, слегка переиначивая их на советский лад. А редактор побуждает автора изымать из написанного одну за другой приключенческие подробности, как несозвучные эпохе.

В результате необитаемый остров становится обитаемым. На острове идет заседание месткома (волна вынесла на берег не только скатерть для стола, но даже графин с колокольчиком!). Самого же Робинзона приходится выбросить из романа, как ничем не оправданную фигуру нытика.

Да и возможен ли был «советский Робинзон», «советский капитан Немо», «советский д'Артаньян»?

Мы учились у классиков жанра и продолжаем учиться у них, но никогда не оправдывали себя попытки повторить неповторимое. Прошли годы — и советский роман приключений вышел на собственную дорогу.

Помимо повседневно необходимого ему оружия героики, ему пригодились еще одно важное оружие.

Оружие юмора.

В ОБОЛОЧКЕ ПАРОДИИ

«Летающие острова». Так назвал Чехов одну из своих талантливых пародий — пародию на Жюль Верна.

В пародии действуют: молодой член королевского географического общества Джон Лунд, его остроумный старый слуга Том Бекас и «магистр всех существующих наук», директор Безымянной обсерватории Вильям Болваниус. Обладая тонким дипломатическим умом, Болваниус ухитрился сделать так, что обсерватория и труды его по астрономии были известны одному только ему.

Цель, преследуемая учеными собратями,— просверление луны колоссальным буравом. «Близко уже то время, когда луна украсится дырой. Дыра будет принадлежать англичанам».

Высмеивает ли эта пародия Жюль Верна? Нет. Воспроизводя в утрированном виде манеру французского романиста, Чехов лишь засвидетельствовал его популярность у русских читателей.

Сам Жюль Верн, обладавший высочайшим чувством юмора, неоднократно пародировал приключенческие ситуации.

«Неизвестный корабль с неизвестным капитаном бороздит неизвестное море в поисках неизвестного острова».

Так названа начальная глава «Удивительных приключений дядюшки Антифера».

Это веселый роман. Но и в его лукавом повествовании, не похожем на другие сюжеты Жюль Верна, писатель остается верен себе: здесь раскрываются характеры, здесь дискредитируется пресловутая идея поисков сокровищ, идея обогащения, принижающая столько зла людям.

Иронически проложена обычная тропа приключений в упомянутой выше повести Пьера Гамарра «Тайна Пернатого Змея». Таинственный незнакомец, за которым наблюдают дети, о происхождении и намерениях которого они строят самые необыкновенные предположения, оказывается... автором приключенческих романов!

Иронией проникнута вся повесть, начиная с заглавия. Но это — добрая ирония. Автор смеется отнюдь не над детьми, а вместе с ними.

Так различны могут быть функции пародии в приключенческом жанре.

Полвека назад советская писательница Мариэтта Шагинян написала весьма неожиданный для «строго академического» литератора увлекательный роман «Месс-Менд, или Янки в Петрограде». Роман вышел под псевдонимом «Джим Доллар». Была придумана и правдоподобная биография мнимого автора, который временами вмешивается в действие.

В предисловии к первому изданию книги «Джима Доллара» тогдашний директор Госиздата, большевик старой ленинской гвардии Н. Л. Мещеряков назвал «Месс-Менд» кинематографическим романом: «Действие в нем развивается головокружительным аллюром». По определению Мещерякова, это «роман нашего времени, когда крупнейшие события сменяют друг друга с чисто кинематографической быстротой».

Экранизация романа не заставила долго ждать себя. С появлением «Месс-Менда» на экране совпала расшифровка псевдонима Мариэтты Шагинян.

Гораздо больше времени прошло, пока книга была признана детской и вошла в «Библиотеку приключений».

Загадочное словечко «Месс-Менд» — нечто вроде пароля, знак тайной рабочей организации, во главе которой стоит умелец и народный мудрец Тингсмастер. Представители «Месс-Менда» есть везде, где трудятся. Пароль открывает соратникам Тингсмастера доступ в самые недоступные места. Марка эта стоит на прекрасных вещах, сделанных Тингсмастером. Основная линия романа определяется сложной борьбой людей доброй воли против злобных и коварных ухищрений клики миллиардера Креслинга, действующей в контакте с воплощением бесчеловечного фашизма — убийцей и гипнотизером Чиче.

В написанном Мариэттой Шагинян под псевдонимом Джима Доллара много романтики и много соседствующего с трагедией юмора. Немало загадок, ожидающих разгадки до последних глав. Как признается Шагинян, она писала книгу с необычным увлечением: ей самой хотелось поскорей узнать, что будет дальше... «Интрига все время ускользала от догадок читателя, как преступник от сыщика». Но она ускользала и от самого писателя. Своего мнимо погибшего героя, развязывающего сюжетные узлы, Шагинян, по ее словам, «отыскала ровным счетом в самую последнюю

минуту, неожиданно для себя, как если бы вскочила на подножку отходящего поезда, идущего не туда, куда мне нужно».

«Месс-Менд» — одна из первых ласточек советского приключенческого романа. Автор переделывал его неоднократно для новых изданий, но острая направленность вещи против войны и фашизма делает сегодня актуальным даже первоначальный ее вариант.

Тайну формы романа разъясняет сама писательница.

«Не забудем, что это пародия,— замечает она.— «Месс-Менд» пародирует западноевропейскую форму авантюрного романа, пародирует, а не подражает ей, как ошибочно думают некоторые критики.

Но судьба многих книг — начинаться в насмешку и кончаться всерьез, подобно Пикквику...»

...Используя обычные западноевропейские штампы детektivов,— объясняет писательница,— я направила их острие против разрушительных сил империализма и фашизма двадцатых годов нашего века, а всю положительную романтику и счастливую сказочность этой вещи — на прославление творческой, созидательной силы рабочего класса всех стран и народов.

В процессе писания пародия была изжита, и возник своеобразный пафос...»

Вот одно из проявлений диалектики жанра. «Месс-Менд», задуманный как пародия, сегодняшним читателем воспринимается как героика.

Читатель в этом случае не противоречит автору.

Бывает и наоборот. Преувеличенные возможности героя, особенно юного, в нашей ранней приключенческой повести уже не могут быть приняты всерьез сегодняшним читателем.

Однако ценность таких повестей для развития жанра остается бесспорной.

В годы гражданской войны в тылу молодой Красной Армии бесчинствовали кулацкие шайки, возглавляемые разными батьками и атаманами.

В такой обстановке действуют юные герои повести Павла Бляхина «Красные дьяволята».

Герои именуют себя Оводом и Следопытом. Сидя у костра,

они «курят трубку мира», вызывающую слезы на их глазах, и начинают «совет вождей».

В дальнейшем раскрывается, что беседу ведут братишка и сестренка, в чьем сознании «современные события и герои гражданской войны так причудливо переплетались с книжными образами, что они уже и сами не знали, где кончается чудесная сказка и вымысел, а где начинается подлинная суровая жизнь».

Но и в самой повести тоже причудливо переплетаются возможное и желаемое. Мстя за погибших от руки махновцев отца и брата, дети совершают неслыханные подвиги. Успешно похищают они материалы махновского штаба, пишут атаману издевательские записки и спасаются в тот момент, когда на их спасение никакой надежды не остается. Мало того, ребята ловят самого Махно, посадив его в мучной мешок, и в таком виде привозят партизанскому командованию, предвительно учинив атаману экзекуцию розгами! Иными словами, подростки в повести Бляхина совершают то, что, пожалуй, не под силу даже взрослому герою, человеку неслегка мужества, сильному, ловкому, хитрому, предусмотрительному. Совершают то, о чем мечтают их ровесники. В суровой обстановке дети решают все — взрослые, в сущности, остаются на втором плане. Такой творческий метод, вернее, творческий отрез, критики называли авангардизмом.

Прошли годы. Мы не забыли о первой, может быть, советской приключенческой повести, о «Красных дьяволятах», чей наивный авангардизм давно переросла приключенческая литература для детей, несмотря на то, что в позднейших изданиях повести автор не без основания ссылаясь на действительные подвиги ребят в Великой Отечественной войне.

Заметим, что наибольшую популярность повесть Бляхина стяжала благодаря ее экранизации. Фильм сыграл большую воспитательную роль. В школах и пионерских отрядах страстно и взволнованно играли в «красных дьяволят».

* * *

Напряженность происшествий в авантюрном жанре никогда не исключает юмора. Наоборот, подкрепляется им.

Юмором в сложных случаях жизни владеют и многие наши детские писатели, работающие в этом жанре. Шутка в трудных ситуациях романа или повести в минуту опасности, как и в жизни, поддерживает героя, вносит в его облик новые черточки, порою помогающие оптимистическому решению сюжета.

Иное дело — сюжетная пародия. Если у писателя возникает потребность в осмеянии и снижении тех или иных ситуаций приключенческого повествования, то это значит, что самые ситуации, скорее всего, изжили себя.

Так было в разные эпохи истории литературы.

Однако типическая авантюрная форма давно перестала быть предметом осмеяния.

И, сталкиваясь в современной детской литературе с подобием пародирования приключенческого романа или повести, нетрудно убедиться: в большинстве случаев автор тут не смеется над жанром, а лишь пользуется им в сюжетных целях.

Так строится, например, у Анатолия Алексина «Очень страшная история» — детективная повесть, которую сочинил Алик Деткин».

Эта история пародийна не только сюжетно: шаржируются в ней и типические стиливые ходы и повторы, приписываемые мнимому автору повествования и ведущему его персонажу Деткину (нетрудно заметить насмешку уже в самом имени).

При всем том насмешливая повесть Алексина — скорее апология жанра, чем его ниспровержение.

«Мама и папа, — рассказывает Алик Деткин, — часто отбирали у меня затрепанные приключенческие повести и романы. А потом я находил свою книгу под подушкой у мамы или случайно замечал ее в папином портфеле. Таким образом, с их помощью я понял, что все нормальные люди любят читать детективные книжки, но многие любят тайно. А тайная любовь, как известно, самая интересная и самая сильная».

Любопытна книга Льва Давыдычева «Руки вверх или враг № 1» с подзаголовком: «Роман чуть-чуть детективный да еще с научно-медицинским уклоном, да еще с прологом, но зато без конца; в десяти частях, написанных лично автором, и одиннадцатой части, которую он предлагает написать самим читателям; среди них ав-

тор надеется увидеть мальчишек и девчонок, которые хотя и как можно скорее повзрослели, и взрослых, которые не забыли своего детства».

В романе «Руки вверх» — немалая изобретательность в занимательных ситуациях, персонажах, каламбурных именах и наименованиях. Пародия здесь, как и вообще в лучших произведениях детской литературы, не самоцель. Читатель постигает это, узнав, что «враг № 1» — не что иное, как собственная лень.

Ну а разве можно счесть пародией на приключенческий жанр, скажем, повесть Юрия Сотника «Машка Самбо и Заноза», где замыслы девчонок окутаны покровом загадочности, вводящей в заблуждение товарищей, тревожащей взрослых? Повесть, где есть юный детектив-любитель? Где таинственные дела происходят в квартире с двумя сестренками-энтузиастками техники, где мнимая трагедия и действительные волнения детей и взрослых венчаются счастливым концом?

Юрий Сотник воспользовался оболочкой приключенческой повести как формой, способной привлечь пристальное внимание юного читателя.

«...А кто из ребят не любит, чтобы было интересно, не любит тайн и загадок!» — говорит основной персонаж повести Всеволода Нестайко «Тайна трех неизвестных».

Ребята любят тайны и загадки, и загадки для них придумываются! Мальчишка в повести Нестайко получает таинственные письма. Оказывается, любимая учительница при помощи двух «сообщников», с целью помирить поссорившихся друзей придумывает таинственную переписку и не менее загадочную сигнализацию.

Это не значит, что в повести нет по-настоящему тревожных происшествий. Они есть. Но тревожные происшествия повести облечены в ироническую форму. Иронически строятся некоторые из глав. Например: «Недаром эта глава тринадцатая — в ней появляется нечто необычное, непонятное и загадочное».

Итак, перед нами ряд так называемых школьных повестей, где приключенческий сюжет иронически осмысливается, становясь как бы вторым планом реальных происшествий.

Хорошо это или плохо?

На такой вопрос вряд ли можно ответить однозначно. Многое зависит от меры пародийности.

Ведь, собственно, не злую насмешку, а теплое — пусть ироническое — воспоминание о детских увлечениях можно усмотреть и в пародии Жюль Верна «Школа Робинзонов», и в пародии Чехова на самого Жюль Верна, стоящей где-то рядом с чеховской же историей мальчишек, собравшихся бежать в неведомые края...

Сложнее взаимоотношения современных детских писателей с приключенческим жанром.

На наших глазах в детской литературе идет некий процесс снижения приключенческого сюжета, который становится чем-то вроде элемента школьной повести. Даже сознавая неизбежность этого процесса, мы не можем не пожалеть о судьбе настоящей героини, заставляющей юного читателя плакать настоящими слезами сочувствия герою, ненавидеть подстерегающие его злобу и коварство, смеяться радостным смехом удовлетворенного чувства справедливости. Обо всем том, что служит незаменимым оружием воспитания чувств. К счастью, такое оружие остается в руках детского писателя, работающего в приключенческом жанре. И можно надеяться, что новые талантливые авторы — «приключенцы», ныне набирающие силу, писатели молодые, но уже обогащенные жизненным опытом, в скором времени обогатят и советскую литературу для детей.

СОДЕРЖАНИЕ

4	Ускользящие границы
9	Приключения, которые были на самом деле
13	Их учила жизнь
17	Монтигомо Ястребиный Коготь
20	Есть мушкетеры!
31	Сюжет и характер
40	Поэзия тайны
45	О Пинкертоне и Шерлоке Холмсе
52	Советский Робинзон
56	В оболочке пародии

Борис Александрович Бегак

В МИРЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Приключенческая литература для детей)

Зав. редакцией М. Б. Новиков

Редактор Н. М. Краснопольская

Мл. редактор Л. Ю. Михайлова

Худож. редактор М. А. Гусева

Техн. редактор Т. В. Луговская

Корректор В. Е. Калинина

ИБ № 2238

А 07068. Индекс заказа 97003. Сдано в набор 0 5.12.78.

Подписано к печати 31.01.79. Формат бумаги 70×108^{1/32}.

Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл.

печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 3,52. Тираж 129 850 экз. Изда-

тельство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Се-

рова, д. 4. Заказ 2337. Типография Всесоюзного об-

щества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Цена 11 коп.

11 коп.

Индекс 70069

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗНАНИЕ“

